

СИГНАЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

СМЕНА

20
1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рисунги В. Орлова.

Солбон АНГАБАЕВ

ОТЧИЗНА

Без матери не рождаются дети,
без Родины жить, как без хлеба.

Есть свой у меня уголок на планете,
свое есть высокое небо.

Чуть ветер весенний,
предшествова чуду,
пахнет,—
как точчас под кустами
подснежники зашевелился повсюду
и снег обернется цветам.

Идешь ли ты шагом своим осторожным,
бежишь ли, расправивши плечи,—

узнав тебя издали,
эхом таежным
твой край выбегает навстречу.

Тебя он найдет и, как сына, приветит.
Твое не пропустит ни слово.
Коль скажешь ты «Здравствуй!»,

он «Здравствуй!» ответит.
Коль крикнешь «Здорово!» —
«Здорово!»

Шагнешь —
и повсюду отыщешь ты друга
на лоне родимой природы.

«Зачем ты, сынок, здесь!» —
не спросит округа,
не спросит ни травы, ни воды.

Твоя здесь земля,
и твое здесь наследство,
твоя здесь и горы и доли.
Захочешь играть —
и немедленно детство
ты встретишь у здания школы.

Ты мне предлагаешь, Отчизна,
навек
табунные степи без края,
и горы златые, и светлые реки,
и дим, что горят не сгорают.

Ты мне предлагаешь,
родная, простая,
ночей твоих дивные сказки,
и жар соболей, и снега горнистая,
и песенных девушек ласки.

Ты мне предлагаешь
пыры и забавы,
цветенные майского сада.
Да только авансом
ни денег, ни славы
сыновнему сердцу не надо.

Вот если бы мне
удалось на планете
из лирики выткать узоры,
вот если б тебе подарить на рассвете
мои соловьиные зори;

вот если бы в пору нелегкой работы
моя безграничная сила
бесплодные степи,
да топь, да болота
в сады да в цветы превратила,

чтоб музыка солнца,
взлетая на волны,
повсюду рождала победы,
чтоб мною и девушки были довольны
и старые, мудрые деды.

Вот если б
в степи мне раскинуть дубраву,
построить из радуги арки,
тогда бы я принял
и почесть и славу —
твое дорожное подарки.

Иду ли я в горы
тропой голубою,
в моря ли, что вечно утروю,
всегда мое сердце, Отчизна,
с тобою,
всегда о тебе мои думы.

С бурят-монгольского перевел
Вас. ЖУРАВЛЕВ.

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

Всеволод КОЧЕТОВ

Вот уже тридцать девять лет существует Советская власть. За эти почти четыре десятилетия выросли поколения людей, которые ни одного дня, ни одного часа не жили при ином строе, в условиях эксплуатации человека человеком. О капитализме они знают только из учебников, из книг и газет да по рассказам старших. На себе они его не испытали.

Молодым часто думается, что так было всегда: всегда имелась возможность для каждого получить среднее и высшее образование, всегда была работа, всегда была уверенность в завтрашнем дне — и не только в том смысле, что завтра ты не останешься без обеда, но, главное, что оно, твоё завтра, непременно будет лучшим, чем вчера и сегодня.

Молодые не оглядываются на прошлое. Они всецело устремлены в будущее. И не потому, что пренебрегают прошлым. Просто у них его еще и нет, или если есть, то слишком небольшое для того, чтобы на него оглядываться. Школа с однообразными заботами о пятерках, пионерские сборы с проработкой отставших товарищей, комсомольская жизнь в старших классах школы и в институте — это еще не биография, это подступы к ней. Биография начинается в тот день, когда человек перестает жить на средства родителей или на средства государства, которые выдавали ему в виде стипендии, когда он начинает жить на заработанное им самим, когда он приобретает право говорить: это создано мною, это сделано моими руками.

Прошлое для человека — это отнюдь не количество времени, оставшееся за его плечами, и отсчитывается оно не механическими часами и не листками календарей, а результатами труда человека, его участием в жизни своего народа. Те, которые строят сегодня гидростанции на Ангаре и Енисее, чтобы с помощью электрической мощи вдохнуть новую жизнь в необъятные сибирские пространства, те, которые поднимают сегодня целину и выращивают на ней миллиарды пудов пшеницы, те, которые ныне в песках пустынь закладывают города и разбивают вокруг них фруктовые рощи, никогда не познадут это свое прошлое, как не забывают свое прошлое бывшие молодцы в ту пору строители Турксиба, Комсомольска-на-Амуре, Магнитогорска, Кузнецка, Сталинградского тракторного... И не только не позабудут, но всегда будут оглядываться на него, чтобы соизмерять с ним свой новый день. Без сравнения с прошлым нельзя правильно судить о настоящем.

Поклоение старшим... Сегодня мы уже вправе причислить к поколению старших не только тех, кто тридцать девять лет назад завоевывал Советскую власть с оружием в руках, но и тех, кто на улицах городов и сел России собирал в те дни разнокалиберные гильзы от разнокалиберных винтовок, кто, разбуженный набатом, босой, возле черных ночных окон,

В. И. Ленин провозглашает Советскую власть.

Фрагмент картины В. Серова.

смотрел на зарева пожаров гражданской войны, кто по-взрослому, вместе со своими отцами, матерями и старшими братьями голодал в годы разнуздки.

Поколение страшик, повторю, не забывает о прошлом, прошлое всегда служит для старших мерой сравнения достигнутого с тем, с чего начинали. У каждого это мера своя.

Когда я слышу иной раз сговора на те или иные неурядицы жизни — порой, кстати говоря, справедливые, — мне вспоминается белая школьная булочка. В голодные годы разрухи, когда люди семьями выставляли по пятнадцать — двадцать часов в очередях возле хлебопечерки, чтобы получить оскумшену

овсяного хлеба, детям два раза в год — к 7 ноября и 1 Мая — выдавали в школах белые булочки. Замечательными казались тогда эти булочки.

Они и были замечательные. Их пекли для ребят в ту пору, когда по губернским и уездным городам, по большим селам еще бродили таинственные старки и старушки и, показывая серебряные рублевники с профилем Николая Второго, нащепывали о том, что-де нека батюшка и не трайять, мол, надежды, вернется на престол.

Тем, которые сегодня учатся и готовятся вступать в самостоятельную жизнь, ни уже делают по ней первые шаги, люди старшего

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Октябрь. № 20. 1956 год.

Год
издания
33-й

поколения могли бы порассказать и о многом-многом ином.

Когда-то было так: все достигнутое нами мы соизмеряли с тем, что имела Россия до первой мировой войны, в 1913 году. Соизмерение это выражалось главным образом в цифрах. Личным опытом и своей памятью многие из нас овеществят эти цифры в ту пору не могли: были они доступны только экономистам.

Ныне в оценке достигнутого, в познании его активно участвует и наша память. Нас волнуют и радуют наши успехи, нас волнует и радует сознание того, что во всемирно известных работах, так колоссально изменивших экономику родной страны, есть доля и нашего, пусть иной раз скромного, но всегда очень нужного народу труда. Гораздо лучше мы понимаем теперь язык цифр, потому что радом с цифрами ставим виденное собственными глазами, сделанное собственными руками.

Я покинул берег Азовского моря возле города, который тогда назывался Мариуполем. Это было в 1929 году. Пустынный, прожаренный солнцем берег, лиманы и камыши. А несколько месяцев назад я не нашел на этом месте ни лиманов, ни камышей. Уже четверть века стоит на морском берегу металлургический завод «Азовсталь».

Вспоминается довоенная поездка в город Череповец. По улицам ходили классические для таких небольших городков козы, и на улицах гулоса росла трава. Ныне в Череповце тоже родится завод и тоже производят металл. Город становится индустриальным.

Почти треть века назад, на праздничной демонстрации в Ленинграде, увидел я первые путилосевые тракторы. Они казались истинным чудом техники. Поставить бы это слабосильное детское путиловцев рядом с теми могучими тракторами, которые ныне поднимают целлну или коряную лесу,—как бы смешно и трогательно оно выглядело в таком соседстве!

И металлургический завод «Азовсталь», и доны Череповца, и могучие тракторы, и тысячи других заводов, машин—все это родилось и рождается в строгом соответствии с планом. Когда я двадцать семь лет назад слушал шум призраских камышей на пустынном морском берегу, изгибы этого берега уже были нанесены где-то в Москве на ватман, и карандаш проектировщика размечал

на них квадраты и прямоугольники будущих цехов.

Мы читаем сегодня цифры, много цифр, но видим не их,—мы видим берега многоводных рек, видим обширные пространства земель Казахстана, Алтая, других республик, краев и областей, видим сотни советских городов и тысячи сел, видим всю нашу чудесную страну. Видим ее не только такой, какой она есть сейчас, сегодня, но и такой, какой она будет завтра. Теперь нам совсем не трудно, увидев пустынные камынные берега Ангары, представить то, что будет там через год—два. Теперь, когда мы уже видели гигантский грузвик-самосвал, поднимающий 25 тонн груза, нам нетрудно представить себе, что это за великолепная будет машина, грузик-самосвал на 40 тонн. Мы даже воображением стали намного богаче, чем были когда-то.

И всем этим мы обязаны Советской власти, нашей партии. Советская власть и партия сделали нас выше. А тот, кто выше, тот и видит дальше.

Да, много могли бы рассказать молодежи люди старшего поколения. Они могли бы рассказать, например, о бирже труда. Биржи труда, наследие капитализма, существовали еще и при Советской власти. Не сразу удалось ликвидировать безработицу. Это было страшно: изо дня в день, из месяца в месяц ходить к окошечкам биржи, спрашивать, не нужны ли никому-либо заводу, какой-либо фабрике рабочие, и слышать из окошечка неизменное: нет, пока не нужны.

Почему-то сейчас считается возможным, нормальным и чуть ли не единственно правильным, когда валиковозрастные алмазники, лет этак по восемнадцати, по двадцати, не по пап с первого раза после десятилетия в институт, год, два, три оканчиваются при родителях и ничего не делают в ожидании нового приема. Четверть века назад так оканчиваться было нельзя. Не только по чисто экономическим причинам, но и потому, что против тундыва было решительно все общественное мнение; всеобщим был лозунг: «кто не работает—тот не ест!»

И когда страна стала на путь индустриализации, когда партия подняла народ на большие работы, когда биржи труда не стало, потому что начался нехватка рабочих рук, не было, пожалуй, в те годы такого парнишки

или такой девчонки, которые бы уже в четырнадцать, в пятнадцать лет не рвались всей душой на производство, к станкам, к верстакам, к машинам. Каждый из нас мечтал поскорее, побыстрее стать самостоятельным, полноправным строителем новой жизни.

Известно, что сейчас у молодежи порой бывает слишком много ошибок при выборе профессии. Ков-как, правдами или неправдами, поступит он или она в институт—напрямую в институт—в любой, в какой пожелает, лишь бы поступил. А потом начинаются вчерашние терзания: не та специальность, неинтересно, способностей к этому нет. В итоге подчас выходит из стен института некий средний специалист. Никому—ни ему самому, ни обществу—пользы от него нет.

У каждого человека есть если не талант, то, во всяком случае, определенные способности к чему-либо. Но вот к чему—это, leaving справочник для поступающих в вузы, определить невозможно. А если на определенном правильно, закопавши свои способности в землю. Способности определяются практикой.

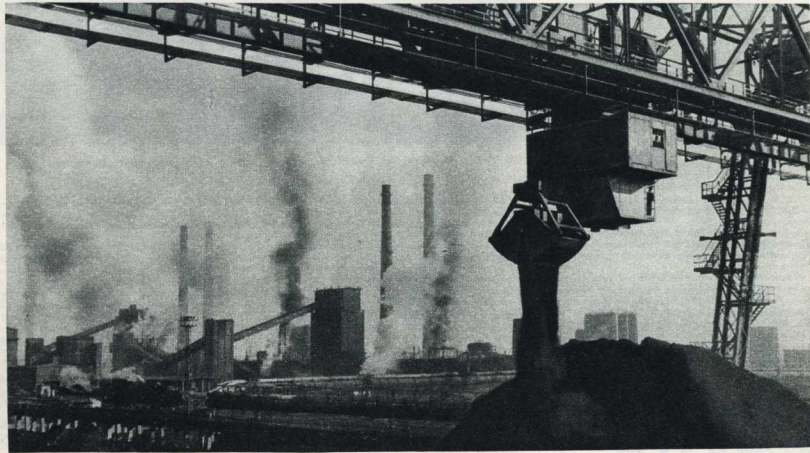
Если после десятилетия прожитой сначала двух—трехлетнюю школу производства, да ознакомившись на практике с той или иной профессией, да ощутив себя не маленьким сыночком или пленничкой дочечкой, а настоящим творцом материальных ценностей—насколько же осознание, зрелее будет твоё отношение к дальнейшему жизненному пути?

Тридцать девять лет существует Советская власть. Огромный путь прошли наш народ, наша страна. Стремись вперед, только вперед, нельзя забывать и о минушем. Надо учиться у тех, кто завоевывал Советскую власть, кто участвовал в гигантских работах по индустриализации нашей Родины, по коллективизации ее сельского хозяйства, кто боролся против всякого рода недругов наших, кто отстаивал наши города и села, наши земли от гитлеровских полиц в годы Великой Отечественной войны, кто восстанавливал разрушенное войной,—учиться у них умению преодолевать неслыханно трудное, умению всегда добиваться поставленной цели. Много сделано старшими, но как много еще впереди! Делать его вам, молодым, которым предстоит принять от старших эстафету поколений, эстафету на прекрасном пути строительства коммунистического общества.

В шестой пятилетке должно быть полностью завершено строительство Южно-Уральского комбината. Это крупнейшее металлургическое предприятие Южного Урала оснащается самой совершенной отечественной техникой.

Орско-Халиловского

Фото М. Савина.

ПЕРЕД ОКТЯБРЬСКИМ ПАРАДОМ

Михаил СКОРОХОДОВ

Правофланговый

Есть в истории
годы-солдаты,
на груди их
бессмертные даты.

Пусть в грядущем,
в сиянии новом
богатырьские встанут года!
Год Семнадцатый!
Правофланговым
ты останешься
навсегда.

г. Архангельск

Николай ЕФРЕМКИН

На улице

Ноябрь! Ноябрь!
На юг умчались птицы,
Октябрьского парада город ждет.
И, как у прочих жителей столицы,
У дворника прибавилось хлопот.

Чтоб алым цветом польхала осень,
Он украшает флагом каждый дом.
Ему мальчишки несутцу подносы,
Довольные почетнейшим трудом.

Устал старик, хоть с этою работой
Он много лет по должности знаком.
С висков седых смахнул росники пота
И зачался махорочным дымком.

А мальчуган, от ветра краснощекий,
К нему подходит с просьбой деловой:
— Позвольте мне, я сам у наших окон
Повешу флаг. Ведь я уже большой,

На уплах, не бойтесь.— И парашюта
С ташой огромной пошел в первый раз
На зависть всем окрестным ребятишкам
Полез, как самый ловкий верхолаз.

И вспомнил дед ту памятную осень,
Как он кумач поднял над мостовой.
Его жандарм штыком на землю сбросил
И глезы исхлестал городской.

Но он оплет с мальчишеской отвагой
Карабкался по скользкой крыше с ним.
И рад старик, что внуки этим флагом
Гордятся, как Отчеством своим...

А мальчуган сидит под шелком алым,
На улицу хозяином глядит...
— Слезай, сынок, домов еще немало,
Тебе работы много впереди.

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

Часы

В городе, где туалеты модниц
Пыльные, как пачки балерин,
Где в церквях немало богородиц,
А в кафешантаных магазинах,
Где висит над улицей Рыба
Шум торговый, точно птичий гам,
Где туристы тратят миллионы
На прогулки летом по горам,
Там, где волн женеvских бирюза
Отражает старые деревья,
Часовщик-рабочий мне сказал:
«Ленина я видел здесь, в Женеvе.

Фото В. Тюнелли.

Ленин зоркий был, как ювелир,
И часы жевевские хвалил!
Медленно сказал он это, гордо,
К точности привыкший старожил.
Медленно я шла сквозь гуцу города,
Города, в котором Ленин жил...
Есть что посмотреть в Женеvе, есть
То, что нам уместь бы не мешало,
Нам, стране социализма, здесь,
В городе-музее капитала,
Например?

Пример тотчас найдется:
Вот часы, как капля росы,
Вот часы с движеньем звезд и солнца.
Хороши жевевские часы!
И не их вина — отметим кстати,—
Что они порой в красе своей
С мелким сердцем тикают в контакте,

А не с мощным ритмом наших дней,
Что не только модных, узких талий,—
Узких взглядов миножество вокруг,
Что часы отстали, ох, отстали
На руках у франтов и халу!

Гостя из страны, где войны — бремя,
А не средство роста прибулей,
Где Ильич поставил

точно время,
Чтобы мы работали верней,—
Я встречю радостно в Женеvе
Сверло, и топы, и деревья,
Дружеские руки, и глаза.
Ленина я вижу здесь вoчью.

Старый часовщик, простой рабочий,
Мне свою Женеvу показал.

Евгений БУКИН

В степи за Кустанаем

Смотрит на сцену седой парторг
И дует на пальмы украдкой.
А сцена — целинная земля кусок,
Оттаявший под палаткой.

Лезет за ворот артиста мороз.
Копилки чадят в полумраке.
Пьеса идет о том, как в совхоз
Приехал Павка Корчагин.

За стеной беснуется снежный шквал,
Злее порывы, чаще.

Смело слова бросает в зал
Павка — совсем настоящий:

— Так вот какая ты, целина!
В двадцатом полхене выдали!
И вприщип парнишке сегодня спонна,
Этот — корчагинской стали.

Он утром долбит котлован уйдет,
На Павку чем-то похочный,
И за собою других поведет.
И быть по-иному не может.
г. Кустанай.

С каждым днем все отчетливее вырисовываются контуры плотины.

ПОКОРЕНИЕ АНГАРЫ

Перекрытие русла Ангары — незабываемый момент в истории стройки Иркутской ГЭС.

Фотоочерк В. Рибнина и В. Александрова.

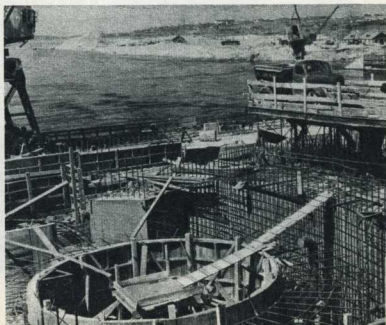
Тот, кому доводилось любоваться Ангорой в погожий летний день, никогда не забудет ее гордой, суровой красоты. Как причудливо меняются оттенки пронизанной солнцем ангарской воды! То она голубая, то изумрудная, то яркорозовая, то зеленая... Но не только сезонной красотой знаменита Ангара. Непокорная дочь древнего Байкала прежде всего слывет стремительным потоком своих неудержимых вод, которые теш в себе неисчерпаемую энергию.

Ныне стало осуществляться то, что несколько десятилетий назад казалось невероятным, несбыточным. По великому плану, начертанному Коммунистической пар-

тией, на Ангару пошла наступление целая армия строителей, вооруженных замечательной техникой — гигантскими шагающими экскаваторами, мощными земснарядами, знаменитыми минскими самосвалами, скреперами, бульдозерами, подъемными кранами. Сотни юношей и девушек пришли сюда по комсомольским путевкам, чтобы обуздать одну из самых быстрых и капризных рек страны, использовать ее исполинскую силу на благо советского народа.

Сколько трудностей пришлось преодолеть строителям, прежде чем они добились первых успехов! Ангара упорно не хотела сдаваться. Ее прерждали путь, а

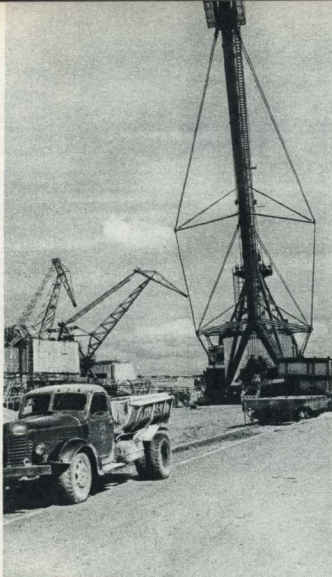
Здесь воздвигается главное здание гидроэлектростанции.

она с яростью сокрушала все за-
слоны, грозя смеси с лица земли
и людей, и технику, и все то,
чего достиг многотысячный коллек-
тив на протяжении долгих меся-
цев неустанного, героического
труда. Но строительную реку все
же удалось перекрыть.

Нынешний год явится для гид-
ростроителей самым знамени-
тельным и радостным: в ближай-
шие месяцы должны быть пущены
первые две турбины Иркутской
ГЭС. За это настойчиво бо-
рется сейчас сплоченный,
дружный коллектив строим. Досто-
инными трудовыми подвигами
встречают 39-ю годовщину Вели-
кой Октябрьской социалистиче-
ской революции экипаж шагаю-
щего экскаватора, где стар-
ший машинист Малков, бригадиры
бетонщиков Александр Табина,
Николай Кобылкин, Лариса Лаврен-
чук. Изо дня в день перевыпол-
няют нормы плотники и опалубчи-
ки из бригады Вахита Мухоме-
това, монтажники во главе с Ва-
силием Петровым, арматурщики,
работой которых руководит зна-
тный бригадир Андрей Андреевич
Кузнецов.

Недалек день, когда над Анга-
рой вспыхнет зарево электриче-
ских огней и заводы Иркутской

Даже мощные порталные краны кажутся лилипутами
по сравнению с шагающим экскаватором.

Эльза Дунаева — одна из многих молодых работниц,
которые самоотверженно трудятся на стройке Иркут-
ской гидроэлектростанции.

Часы досуга электриск шагющего
экскаватора Николая Левковски
часто проводит на берегу Ангары.
С хорошим уловом вернется он се-
годня домой...

лучат первый промышленный ток
новой ГЭС, мощность которой со-
ставит 660 тысяч киловатт. Энер-
гия могучей сибирской реки, пре-
образованная в электричество, по-
бегает по высоковольтной линии
к Падунскому порогу, туда, где
воздвигается самая мощная гид-
роэлектростанция Ангарского
каскада — Братская ГЭС.

Сбываются вешние слова велико-
го Ленина, сказанные им вскоре
после победы Октябрьской рево-
люции: «Коммунизм есть. Совет-
ская власть плюс электрификация
всей страны». Покорители Ангары
добывают для Родины чудодей-
ственную энергию, которая в не-
далеком будущем преобразит
необятные просторы Сибири,
делает их еще более богатыми
и цветущими.

Одна из улиц города строителей Иркутской ГЭС.

ВСТРЕЧА В ЧИЖАХ

Россия

Вселение с веселым названием Чжи и добрался на полупути машине. Погода стояла пасмурная. Равные облака тянулись по холодному небу, временами из крапавки дождь. Слева, то прижимаясь к дороге, то убегая в сторону, катилась набухшая от дождя река Воря. Когда везлажи на село, мой спутник, подпрыгивая в трясущемся кузове, крикнул:

— Вот она, школа!

Минут через пять я сидел в кабинете директора. Лысый, полноватый человек, повертел в руках мою командировочную, сказал недолго:

— Инспектирование библиотек?.. Нашли время! Тут с реминтом не раздалаешься никак! — И, возвращая бумагу, добавил: — Придется вам хозяйничать самому. Библиотекарша у нас в отпуске.

— Где-нибудь денег на два... попросил я.

— Уехала, — отрезал директор. — В санитарий.

Библиотека в школе большая. Я рылся в каталогах и карточке, сверял с ними наличный фонд литературы, определял стелж. Взял книгу. Кроме того, предстояло еще составить длиннейший акт-формуляр в трех экземплярах: для школы, для районо, для обл.оно.

В школе тихо: каникулы. Директор с утра пропал под разным делом, а я торчал до вечера в пустом помещении. Погода испортилась. Зарядил, не переставая, дождь — мелкий, проливной. Дороги набухли, как подомшедшее тесто.

И вдруг судьба подарила мне веселых соседей.

Как-то к вечеру забарабанила в дверь.

Открываю — на пороге шумливая ватага промокших, грязных ребят.

— Вы директор?

— Директор уехал за оборудованием.

— Дело вот а чем, — сказал мне парень с рюкзаком за плечами, — мы из города, члены краеведческого кружка. Собираем для музея коллекцию старинных предметов крестьянского быта. И вот... Где-то нам ночевать надо. В сельсовете сказали: идите в школу.

— Ну, что ж... Располагайтесь. Надесьте, директор не выгонит.

Ребята заняли две классные комнаты, сняли парты, расстлали на толком полу серые шерстяные одеяльца, и в здании наполнилось гомоном, шумом, смехом.

Утром я ближе познакомился с пришельцами. Их было пятеро: Андрияша Смирнов, Ирина, обаявшая девушка в спортивных брюках, другая девушка, Надя, и два Михаила — Миша Блохин и Миша Карпович. Первой скрипкой в этом квартете был, несомненно, Андрияша Смирнов, юноша лет семнадцати, знающий все на свете и не по возрасту строгий.

Как-то заваял я его в библиотеку.

— Андрияша, играете а шахматы?

— Можно сыграть.

Он солидно уселся в кресло и уверенно начал атаку.

— Да вы настоящий шахматист, Андрияша!

— Нет, — с достоинством ответил Смирнов, — мой звание — археологист; шахматы — просто развлечение.

— Из-за двери кто-то громко спросил:

— Смирнов, у тебя сегодня есть?

Я распахнул дверь и увидел Надю.

— Играет! А план завтрашних мероприятий ночью будем обсуждать? — насмешливо сказала она.

— Можешь не волноваться, — с невозмущен-

ным спокойствием ответил Смирнов, — у меня план набросан.

— Ой, сколько книг! — всплеснула девушка руками и кинулась к стеллажам. — И Фенимор Купер есть! Можно взять Купера?

— Я, признаться, тут не хозяин.

— Так я же вернул! — добавила Надя и, прищипываясь на губах, углубилась в книгу.

— У тебя, Надежда, совершенно отсутствует деликатность, — промолвил Смирнов.

Девушка подлечила пожелала: отстань, мол.

Минут через пять в комнату влетела Ирина:

— Надежда, лысый Письмо. Он Володькин! Но Надя плылась не стала, а не поднимаясь с места, спокойно перебробавала:

— Отдай.

— У! Упрямая! — Ира швыряла конверт на колени подруге. — Потом мне покажешь.

Но та, медленно изгибнув на обратный адрес, вышла читать письмо в коридор.

Ира хихикнула, зажмурив на миг плывающие глаза.

— Мне почему-то не пишут. Никто! Чем это объяснить? Может, потому, что я рожая? — И я рассмелась злоко, задористое.

— Рыжая и легкомысленная, — раздулошн утешил Смирнов и, сдвинув с доски шахматные фигуры, вышел из комнаты.

— Потерите, Ира, напишут и вам.

— Придумай! Я и без этих сантиментов прожиаю. — Она резким движением перекинула за плечи огненные косы. — Я вам помогаю тут. Можете?

Мы стали наводить порядок на полках, и помощница моя не умолкала ни на минуту.

Федор АРХИПОВ

Первый экспонат

Я не знаю, кем он позобят у теснин с холодными ключами. Может быть, Арьсень-следопыт здесь оставил закопченный чайник.

Может, кто-то из бойцов Лазо киниготом согрелся на привале, а потом с вратом среди лесов за свободу зрелро зовал он.

Кто б он ни был, этот человек, очевидно, был он слабым мальчик, ведь вокруг пороги горных рек, глущь тайги,

оверье

и перепалы.

Я на сук повесил сувенир. Мы разведку завершили к сроку и азасчек провели пунктир.

чтобы вскоре выстроит дорогу. В дубраке, где обилие листопада, где и дубам склоняются ребятами,

мы вращать аэстатим водопад мощные, тяжелые турбины.

И, поставив аэстатим рядком, вдоль проспектов вырастим граниты... Будет он в музее городском, этот чайник, первым экспонатом.

г. Ворошилов-Уссурийский.

— Вы в каком классе учитесь, Ира? — спросил я.

— В девятом. А что? Думаете, не поумнее?! В двадцать лет ума нет — не будет. Да? Но мне еще долго до двадцати! — весело заключила она.

После работы я вышел пораматься и направился к реке. Погода совсем разгулялась. Гряды облаков потянулись к востоку, и к вечеру на западе открылась полоса чистого и прозрачного, как вымытое стекло, неба. Оранжевый диск солнца вдруг амыклся из-за облаков у самого горизонта, и вечерняя заря запылала в полнеба.

Еще издали я заметил на берегу одинокую фигуру. Подожду: Надежда. Примоетлась на буржике, кусает в задумчивости карандаш. На колених толстая тетрадь в клеенчатом переплете.

Воря — река небольшая, но быстрая. Несет свои воды с таким шумом, что у берега разговаривать трудно: собеседника не услышишь. Я подошел несамостоя.

— Природой любуетесь?

— Ой! — Девушка вздрогнула. — Как испугали!

Немгашими глазами она уставилась на воду и с опозданием ответила на мой вопрос: — Вспомните, как кричала в бурной.

— Мы некоторое время молчали: я не знал, о чем с ней говорить, а Надя не проявляла ко мне особого интереса. Внешне девушка была очень привлекательна: прямые черные волосы, смуглая, чуть смалкованная кожа. В чертах его виднелась что-то детское, неформиннесса:

алые, аменного прилуние губы и удивительные, кажущиеся черными от тонких длинных ресниц глаза.

— Ну, как эныскаинка? — спросил я наконец. — Обнаружил что-нибудь?

— Ко-е-то... Образцы тканей, которые выделялись кустарно до революции. Деревянные ложки. Старую лампу...

...Которую нужно отнести на складку. В Воез ваяне аэстатим кололочные огонья.

— Ничего вы не понимаете! Это такая лампа, такая...

Пришлось согласиться, что лампа, возможно, имеет историческую ценность. Надя вздохнула.

— Хотелось найти соху, да нет больше сох в деревнях: тракторами пахнут... Она вдруг оживилась: — Вот бы достать деревянную буржу! Деревянную! А?

Спустившись с сумарки, Миша обмякла приятная прохлада. Стояла тинина, и если б не шум реки, наверно, можно было услышать, как растет трава и стучит сердце моей собеседницы.

— Что это вам пишете? — кивнула я на клеенчатую тетрадь.

— Так... Дневник похода. Что ужизну, то и записываю.

— А мне почитать позволите?

— Нет... Она закрыла тетрадь. — Здесь не только походы. Здесь все. Воебие дневник.

— И про Володо, от которого получили письмо, тоже есть?

Девушка нахмурилась.

— Немного и про Володо, — сдержанно ответила она.

— Кто же он, этот Володо? Ваш одноклассник?

— Нет.

— Значит, студент?

— Много будете знать — скоро составиться, — обрела Надежда, но испугавшись невольной грубости, добавила: — Обыкновенный человек, работает на заводе.

Бросив холодное «мне пора», она оставила меня одного.

Я вслушиваясь в шум реки, и странные мысли занимают меня. Никогда не напишущу я на первом листе толстой клеенчатой тетради стидальных вступок: «Мой дневник». Ведь это, пожалуй, пустая романтика. Моя коность обрелась в сорок первом, когда надел я матеросский бушлат, безосмысленно. Не до дневников тогда было. И все-таки юность — удивительная пора человеческой жизни. Андрияша уверен, что археология — его призвание; Надя ищет первоначальную буржу. Все это у них немного по-детски. Наняно незрелого. Продуть тогда — я, может быть, став резким молодым, они синхронно улыбаются своей юношеской мечте. Но где воебие кончается юность и начинается зрелость?

Рано утром я покинул Чжи и легко отмахнул километров пять до соседней деревни. Отмылся школой — на двери огромный замок. Пришлось тащиться на другой конец деревни — в правление колхоза. В правлении было пусто, только счетовод шелка сметами.

— Заведушая школой? Она в поле с колхозниками. Присядьте, я парничку пошлю, — гостеприимно встретила меня счетовод и вышел на крыльцо.

— Васятка! Васятка! Сбегай на Дальний луг за Анией Терентьевной. Спрашивают ее! — раздался за дверью его голос.

Через минуту счетовод вернулся. Он поинтересовался, кто я, с какой целью прибыл в деревню. Я ответил. А потом спросил своего собеседника, как идут дела в колхозе.

— Неважно было, признался счетовод. — Теперь пошло в гору. Весной в парничок большой доход емучками. Приобрели две машины. Имеем птицеферму. Построили коромушкоу.

— А нет ли у вас деревянной бороны? — неожиданно спросил я.

— Деревянной? — удивился собеседник. — Этого нет. Дисковые бороны имеем, а деревянные нынче не применяются.

Мне стало немного неловко, и я начал пояснить, что борона нужна для музея краеведения как экспонат, как память о деловских методах обработки земли.

— Начем не могу помочь, — отгорчился счетовод. — Деревянную борону в колхозе вы не достаете.

Он вынул из ящика толстую бухгалтерскую книгу и стал что-то искать в ней, размышляя вслух:

— Впрочем, кажется, прошлой весной видел я у Кузнецовых, соседей моих, на задах, на огороде, старую борону. Если я не спалил или дестинки зубья не повредили, можете ее получить.

Я попросил объяснить, где живет Кузнецовы, и направился искать четвертый дом от края деревни.

У калитки встретил меня седой, строгий на вид старик.

— Здравствуйте, дедушка. Мне сказали, что у вас есть деревянная борона. Не могли бы вы уступить ее музею?

— Борона-то была. Да сгнила, небось, вся. Стара очень, — объяснил старик. — Старее меня.

Мы вышли за строения на огороде. И здесь, в зарослях лопуха, я увидел деревянную борону. Она действительно частично сгнила, но, если подреставрировать ее, для музея сойдет.

— Забирай, — заявил старик, — только как ты ее потащишь?

— Э, дедушка, у меня помощники!

Мой папа был прост: надо угодить Наде, и тогда она покажет мне свой деушник.

Я поспешил обратно в Чжи и застал ребят на школьном дворе. Они киятели чай, разговаривали между двумя поставленными на ребро кирпичами. Собственно, чай был забыт. Шла беседа дискуссия.

— Не прощай! — горчилось маленький Миша Карпович. — Не прощай! Это же...

— Возвращение божьего задания, — холодно уточнил Андрей.

— Вот именно, — согласился Блохин.

— Как успехи, ребята? — начал я издалека.

— Успехи? — Смирнова сокрушено вздохнула. — Возвращаемся почти с пустыми руками.

— Неважное дело! — подошел я ближе к ним. — А не согдился бы вам, например, деревянная борона?

— Борона! — Они встали, как по команде.

— Да она?

— Кострик-то затухает, — поудя я на хвост. — А борона в соседней деревне. У колхозника Кузнецова.

— Ее можно взять?

— И сдарили! — отгадал.

— Качай! — категорически предложил кто-то, и в ту же секунду Блохин с Карповичем подхватили меня.

Но я не позволил себя качать. Меня заинтересовало, где жила, так во дворе я ее не увидел. Мальчишка замочулил, и оба Миши старательно начали раздувать костер.

— Мы ей выговор вынесем, — нехотя произнес Андрей, — она личные интересы ставит выше общественных.

— Наде товарищ приехал, — пояснила Ирина.

— Да... И гуляют, понимаете, гуляют... — подчеркнул Карпович.

Мне оставалось только иронизировать над собственным легкомыслием: тащился сюда из-за какой-то девичьей тайны. А чего любопытного искал я в этом заднем дворике, а ее Володе? Старая песня: детская завязка дружба — и только.

— Ладно, — зло оборвал Карповича Анарюша. — Идемте за бороной. Вы нам покажете? Знаете что, — заключил я, — давайте-ка завтра...

И ушел к реке.

Я лежал в сочной прибрежной траве, пахнувшей ятой и сыростью, слушая мерное стрекотание кузнечика. Вечерело. Над моей головой, свиваясь, колысались стобельки трав, и небо загоралось звездами. Здесь было так хорошо и покойно, что я незаметно заснул.

И вдруг сквозь дремоту я услышал шуршание травы от чих-то шагов. Открыл глаза и увидел, что в темноте близко-близко от меня проходит два человека. Юноша левой рукой вел за руль велосипед, девушка поддерживала машину за раму. У берега они сели лицом к воде, положили на землю велосипед. Они разговаривали о чем-то, но шум воды заглушал их голоса.

— Почему же так сразу? — сказала девушка громче. — Я думала, осеню...

— Эх, Надя! Сто тысяч «почему»... — ответил ей спутник.

Непринужденно был свидетелем чужого свидания,

но встать и уйти, обнаружив себя, еще неумел.

— Мама не плачет. Так, немного аволююана, — сказал Володя.

— Два-три года — срок небольшой... Глушпи... Ждать я умею.

Володя встал и громко, горло стона убеждать Надю сейчас же поехать в город:

— На раме тебя донезу. А завтра проводишь Ну?

Надя покачала головой, промолвила что-то тихо. Я слышал только: «ребята» и «я обещала» — и испомни почему-то свою равноду до смешного наивную юность. Будто вчера это было...

По аллее парка рядом со мной шла девушка в клетчатом платье с платочком-косынкой на хрупких плечах. Нет, с ней мы никогда не дружили, она даже не знала, что я часами простаивал у калитки, чтобы хоть издали взглянуть на нее. И шли мы вместе лишь потому, что нам по пути. У меня замарало от непонятной радости сердце. Мне было очень весело! Подпрыгнув, я сорвал веточку клевера и отдал ей. Девушка подняла остролистую ветку к лицу, долго рассматривала каждый листочек и вдруг объявила:

— А завтра я уежжю... Совсем.

Кажется, я крикнул тогда: «А как же я?» Потом, mocno, лежа в постели, я смотрел в темноту и не мог понять, как буду коротать днище, — точнее дни, если незачем будет ждать у калитки.

Так и разошлись наши пути. Только стал я с тех пор серьезнее, строже, словно вдруг повзрослел года на три...

Володя достал крохотный сверточек:

— Возьми. Это та...

— Славабо. Я сохранил...

Я увидел в руке Нади ленточку от морской бескозыры. Девушка подняла ленту над горой, и концы ее затрещали на легком ветру, как два маленьких черных флажка.

Два слуга долго стояли друг против друга и потом медлительно ушли в темноту. С земли мне был виден только тугой темносный купол неба, усеянный звездами, и на его фоне две легкие удаляющиеся фигуры.

Зубья далекого леса запылали пожаром: возшла огненная дуга, бросая на звенящее серебро реки холодные струи света. Она поднималась выше, и постепенно угасал этот пожар, а молочный, матовый свет заполнял пространство. От реки веяло сыростью. Я возвратился к школе, но в помещении идти не хотелось, и я присел на скамейке под старой корявой липой. Я думал: что означает эта матросская ленточка? Как попала она к Володе?

Прошел в библиотеку. Лунный свет, завалясь в распахнутое окно, осветил комнату. На полках рядами стояли книги. Мудрые книги... «В нашем воображении никогда не выцветают краски, не кончается лето и не умирает любовь». Где я прочитал это, не помню. А ведь верно: не умирает! В окно я увидел, как по двору медленно прошла Нада.

Скрипнула дверь; где-то далеко растаял ноющий звук от удара по железу — один, второй... Это в деревне отбивали время.

За стеной раздались оживленные голоса. Может, это ребята выносят выговор Наде... Не надо, ребята, не надо этого делать...

В стенку заступали:

— Можно к вам?

— Если играть в шахматы, отложим до завтра.

— Нет... Важное дело...

— Ну, заходите.

Вошли Андрей и Ирина.

— Дело в том... — Андрей по-взрослому потер руки. — Дайте нам адрес: мы все же решали идти.

— Ночью? Напрасно проходите.

— Да, может, не один мы охотники за такой борной. Если перехватят, — Ира умоляюще посмотрела мне в глаза, — никогда себе этого не прости!

Игорь ГРЕБЦОВ

Осень

Сок последний бродит под корою,
Плеск летит от высохшей травы...
Гонца сорветуется с зарею,
Осеслята золотом листы.

Днем и ночью движутся обозы,
По столам сплут грузозины,
И полят прижигшие березы
В инее, пришедшем от реки.

Ветер рвет последние листочки,
Выглянувшие к югу журавли...
Лишь грибы, упрятанные в бочки,
Сохраняют аромат земли.

И, украв зерно от непогоды,
Тракторы направили по стерне,
За чайком седые полководцы
Говорят о будущей весне.

Да озимка изумрудным цветом
Веселит похолодевший край,—
Кажется, что по соседству где-то
С октября шагает светлый май.
г. Красноярск.

Я заколебался, но потом, махнув рукой, согласился идти вместе с ними.

— Это был настольный поход.

— Подтягись! — командовал Андрюша, ели кто-нибудь отставал.

И ему отвечали:

— Есть, подтягиваю!

Нада шагала с сомкнутыми губами, высоко подняя красивую гордую голову.

— Что это с ней? — шепнула я Ирине.

— Так... Друг ее отправляется в морское училище. Не поехала провожать. А теперь, конечно, переживает. — Она коснулась моего плеча и доверчиво добавила: — А вообще, пустяки. Сентименталки.

— Подтягись! — командовал Андрюша, и мы ускорили шаг.

Но минут через пять я снова шепнул Ирине:

— А кто этот Володя?

Она пожала плечами.

— Так... Вообще парень хороший.

— Про ленточку вы что-нибудь знаете?

Ресницы ее стремительно взлетели.

— И вы слышали? В войну — Володе было лет шесть — пана ему с фронта прислала матросскую ленточку.

— Отец у него, значит, моряк?

— Был капитаном, — объяснила Ира. — Погиб в Севастополе, кажется.

Больше я не спрашивал ее ни о чем.

К лавочке мы пришли в деревню. Я рвал ребит огородами, чтобы заставить собаку не подыала лап.

— Вот... Где-то тут. Ищите.

Они разошлись в темноте, взредка перекидываясь словами. Свет рывучих фонариков поплыл по траве. Я стоял в стороне и тоскливо смеялся над еще не перебранным в них летством. Ну, какой уважающий себя человек потащится ночью за деревянной гнилой борной? Только азартная юность способна на такие поступки.

— ЕСТЬ! Ура! — закричал Миша. Все бросилась на крик, подыала с земли борную и поставили ее сна позах. Ира выскочила от восторга, а серьезный Андрюша Смирнов, потирая руки, повторял:

— Вот это вещь! Вот это вещь!

Только по глазам Нади трудно было понять, рада она или нет. Она смотрела куда-то вдаль, в темноту, и я, подойдя к ней совсем близко, заметил, что глаза ее вовсе не черные, а зеленые, цвета морской воды, и доблескивали они как-то холодно, строго. Быть может, и ей поиски деревянной борной вдруг показались детским, нелепым занятием. Может быть, она повзрослела врут...

— «В нашем воображении — вспоминай я вслух, — никогда не выцветают краски, не кончается лето...»

— Что? — Нада удивленно посмотрела на меня.

— Так, пустяки.

Из темноты, с края села, долетела к нам песня. Чистые девичьи голоса пели про рябину. Нада прислушивалась, хмура бесполойные брови.

— Ну, шагом марш, шагом марш! — по-военному командовал Андрюша.

Мы идём в темноту. Телым ветром веет с полей, будто вздыхает по сне вечно молодая земля. И другие запахи несет ветер — приятные: спелой антоновки и смородинового листа, запахи садов, где в августовские ночи уже тайтис, назревая, недозревшая осень.

Бой у Каменного моста.

ЮНЫЕ ГЕРОИ ОКТЯБРЯ

Сергей Барабалин, один из организаторов рабочей молодежи Сокольнического района Москвы.

Москва, 15 октября 1917 года. По улицам города движутся колонны юношей и девушек. Над ними влекут лозунги: «Трепещите, тираны! Юный пролетарий восстал против войны», «Войне — война!», «Миру ли драться спорить с нами, юными! Вперед!» И тысячи молодых голосов дружно подхватывают тревожный призыв «Варшавники:

«На бой кровавый,
Свитой и правый!»

На импровизированной трибуне молодой оратор:
— Мы заявляем вам сейчас, временные хозяева страны: мы на войну убивать своих братьев-рабочих не пойдем, но на баррикадах первыми будем в рядах борцов за власть Советов!

Этим выступлением рабочего трамвайного парка Афанасьева открылся митинг, посвященный Международному юношескому дню. Двенадцать тысяч членов Союза революционной молодежи, созданного летом 1917 года, собрались перед зданием Московского Совета. Это был молодой отряд борцов революции, демонстрировавший готовность отдать

народному делу все свои силы, юный задор и жизнь.
Выступает секретарь Московского комитета большевиков В. М. Лихачев:

— В одной из наших песен говорится: «За вами идет свежий ратников строй». Ваши старшие товарищи, большевики, верят в эти слова. Да и как не поверить, когда сегодня рабочая молодежь Москвы выступает под теми же знаменами, под которыми борются большевики!

В этот день участники митинга послали приветствие Владимиру Ильичу Ленину и приняли наказ Всероссийскому съезду Советов — немедленно взять власть в свои руки.
А 25 октября телеграф принес радостную весть: в Петрограде победила революция.

В течение нескольких дней московский пролетариат вел ожесточенные бои с белогвардейцами.

Тысячи передовых рабочих вступили в Красную гвардию. В один рядок со взрослыми, с ветеранами 1905 года, сражались юные патриоты. Не многие из восставших имели берданку или пистолет. Вместе со старшими товарищами члены Союза революционной молодежи разоружали офицеров и буржуазную милицию.

Несколько отрядов рабочих получили оружие благодаря смелости и находчивости молодежи. Дело было так. Еще весной 1917 года Замоскворецкому райкому партии стало известно, что на Рязано-Уральском (ныне Павловском) вокзале в складах Сибирского Банка находится оружие. Группа рабочих и несколько студентов Коммерческого института вызвались достать его. Выбра удобный момент, они напали на сторожей, разоружили их и захватили триста винтовок и сто револьверов. Винтовки замуравляли в двойной стене в помещении завода Михальсона. Время от времени по ночам их инстинкты, слышавши. В первый же день восставшая стена была разорвана, а оружие передано красновардейцам.

Как подчеркивают в своих воспоминаниях участники вооруженного восстания в Москве, юные революционеры оказались незаменимыми разведчиками. Они не раз спасали отряды от окружения. Через них военно-революционные комитеты поддерживали связь с центром, знали о всех передвижениях юнкеров, о количестве солдат и вооружения противника.

Среди разведчиков было много девушек. Не раз ходили на опасные задания Аня Литвейко (псевдоним комсомолка Пресин), Наде Штерн, Наде Андрянова, Ката Карманова, Зина Васильева.

Одной из самых смелых и ловких разведчиц оказалась кондуктор Шаболовского трамвайного парка Легонская. Она часто отправлялась в тыл врага и приносила важные сведения.

Почти целиком из молодежи состояли санитарные отряды. В одном Замоскворецке их было свыше двадцати. Санитарами работали Н. Стогова с парфюмерной фабрики, А. Тормозова, портниха, работница с завода «Постав-

щик» Родионова, студент-медик Тайц и многие другие.

Красная гвардия наступала от районов к центру. И ввиду, у самых опасных местах боев: у Никитских ворот, на Остоженке, на Кудринской площади, — с винтовкой в руках сражались юные гвардейцы революции.

26 октября к Московскому Совету подошел отряд из Подольска. Его привел прапорщик Реутов, единственный офицер 195-го полка, который вместе с солдатами перешел на сторону восставших рабочих. Ревком направил Реутова на один из самых опасных участков, к Никитским воротам. Задержать врага, не пропустить его к зданию Совета — таков был приказ.

Юнкера захватили почти всю Никитскую площадь, соорудили блиндажи, расставили в угловых

Николай Сычев, командир молодёжного отряда.

зданий пулеметы и бомбометы. Из Александровского военного училища на Арбате он регулярно получал пополнение.
Отряд Реутова с боем занял два дома. Позиция была очень выгодной: оба здания стояли на пути продвижения врага.

Белогвардейцы не раз перешли в наступление. Несколько их атак было отбито с большими для них потерями. Одному вражескому отряду удалось вернуться в дом (на этом месте сейчас стоит памятник Тиммерзееву). Борьба закончилась на лестницах, в коридорах. Многие юнкеры красновардейских перекопили штыками. Но враг продолжал неседать. От отряда

Демонстрация членов Союза революционной молодежи 15(28) октября 1917 года на Красной площади.

Резцова осталась горстка бойцов. Сражался с тридцатью юнкерами, Рубин убит пятерых и сам погиб в неравном бою. Но на помощь уже подошли красногвардейцы со Стратской плащиды. Приказ был выполнен — враг не прошёл.

В рукопашных боях на Кудринской площади (ныне площадь Восток) участвовали отряды пресненской молодежи под руководством Сергея Быстрова, Михаила Дугачева и сына известного советского писателя Серафимовича — Анатолия Попова, геройски погибшего позднее, в годы гражданской войны.

Ожесточенные бои вели рабочие и революционные солдаты за дом градоначальника на Тверском бульваре. Плечом к плечу шли на штурм два друга, организаторы молодежи в Сокольничском районе: 20-летний Сергей Барболин и 19-летний Жербунов. За несколько метров до ворот дружинники очередили сражался Жербунов и смертельно ранила Барболина. Это было 29 октября.

У Каменного моста сражался отряд под руководством Николая Сичева. По его предложению в двух трамвайных вагонах были сделаны внутренние стены из досок и пространство между ними заложено мешками с песком. Место вожатого было обито синими войлочными платками. На площадках установили пулеметы и пукисты эти «бронетрамваи» против юнкеров. Под прикрытием пулеметов отряд стрелявшими броском захватил Каменный мост и развил бурный бой на Остоженке, где находился штаб Московского округа. Белогвардейцы сосредоточили там свои лучшие силы, вырвали трамваи и гранатами сбили с рельсов танков Николай Сичев, обвешав себя ружьями гранатами, взобрался по телефонному столбу на крышу дома. По чердакам и крышам домов он подползал к самому штабу и стал кидать сверху гранаты в окна. Паника среди юнкеров ускорила падение штаба.

В тяжелых и кровопролитных боях на Остоженке погибли 23-летний руководитель замоскворецких отрядов Добрынин, курсистка Коммерческого училища Луиза Лисинова, брат и сестра Кузнецовы, 12-летний мальчик Андрей и многие другие герои. Здесь сражались Брун, Мышкин, Арутюнянц. Именами молодых героев позже были названы многие улицы и площади Москвы.

Почти же пачать красногвардейцы и революционные солдаты вошли в Кремль. Это была победа.

В первую годовщину Октябрьской революции в театре Сокольничьих горев на Красной площади выступил Владимир Ильич Ленин. Обращаясь к москвичам, к гражданам молодой Советской республики, он говорил:

«Почти же пачать октябрьских борцов там, что перед их памятником дали себе клевету или по их следам, подражать их безстрашию, их героизму. Эти слова сегодня повторяют миллионы юношей и девушек — те, кто возводит города и заводы на необъятных сибирских просторах, кто осваивает необжитые земли Востока. Сера, все, что своим трудом приближает день коммунизма».

Л. МАЙОРОВ,

Л. ВОЛЬФСОНСКАЯ,

научные сотрудники Музея Революции СССР.

ГЛАШАТАЙ МИРА И ДРУЖБЫ

Десять лет назад на книжных прилавках разных стран появился новый журнал — «Молодежь мира». На обложке его был изображен юноша и девушка, гордо несущие в руках знамя. Их взгляд устремлен вперед, в будущее, в завтрашний день.

Новый журнал поставил своей целью укреплять дружбу и единство демократической молодежи, защищать права юного поколения, рассказывать о том, как молодые люди всех континентов борются за прочный и длительный мир.

Идея выпуска такого журнала возникла на Всемирной конференции молодежи, которая проходила в Лондоне в ноябре 1945 года. На этой конференции была создана ВОДМ. Ее борцам органом и стала «Молодежь мира».

В те «далекие» времена штат редакции был немногочисленным. Редакция помещалась в небольшой комнате с одним столом, за которым сидел единственный сотрудник, он же главный редактор, молодой австриец Петер Геллерт. Зато круг влиятельных авторов уже с самых первых дней был широким. В маленькую комнату, расположенную в скромном доме на одной из парижских улиц, ежедневно поступала корреспонденция из разных стран.

Первый номер журнала вышел на четырех языках: русском, английском, французском и испанском.

За прошедшее десятилетие «Молодежь мира» окрепла и возмужала. Ныне журнал выходит на одиннадцати языках. Он имеет разветвленную сеть корреспондентов.

Содержание журнала так же разнообразно, как и интересы молодого поколения. Здесь печатаются выступления известных политических и общественных деятелей, письма молодых рабочих, студентов, крестьян. Журнал рассказывает о новостях в науке, технике, литературе, музыке, спорте.

В каждом номере публикуются материалы, посвященные насущным вопросам движения староником мира, укрепления международной безопасности. Так, например, мартовский номер уделит много внимания проблеме разору-

жения. На его страницах приводятся яркие примеры того, сколько средств, столько необходимых для улучшения жизни быта людей, посылает гонимая вооружений. «Знаешь ли ты», — пишет журнал, — что «холодная война» стоила уже 141.000.000.000 американских долларов? На эти средства можно было бы построить современный город с населением в 80.000.000 человек! Корреспондент журнала Джек Тейлор в статье «Мы хотим этого сейчас» рассказывает о том, как молодежь разных стран выступает за разоружение. Это же вопросу посвящена и разнообразная информация, помещенная в номере...

Молодые поколения колонизированных стран, борющиеся за свое освобождение, знает «Молодежь мира» как верного друга, постоянно выступающего за свободу колониальных народов, против колониализма. На страницах журнала регулярно появляются статьи, посвященные движению народов колоний за свободу и национальную независимость. Из номера в номер публикуются материалы, которые языком цифр и статистических выкладок убедительно говорят о тех лишениях, которые переживают народы колониальных и зависимых стран.

Единство, дружба, сотрудничество — эти идеи получают все более широкое распространение среди наших сверстников. Дружить, несмотря на любые различия политических и религиозных взглядах, социальном положении, в принадлежности к тем или иным организациям. «Молодежь мира» предоставляет свои страницы всем, кто хочет обменяться мыслями о путях и формах сотрудничества молодежи. В журнале выступали молодой методист из Англии К. Райт и Алия Вейзац, один из руководителей деятельности «Народной молодежи Югославии», немец Вольфганг Кольтхаас, и молодой польский католик Игнаций Руткевич, и многие другие. Все они по-разному, но ясно и определенно высказались за сотрудничество молодежи.

Журнал постоянно дает обширную информацию о подготовке к Фестивалу в разных странах, о его программе. Вот один из примеров. В первом номере за этот год «Молодежь мира» обратилась

к читателям с вопросом: «Что бы вы хотели увидеть на VI Фестивале? Сразу же в редакцию посыпались десятки ответов, содержащих самые различные предложения, порою прямо-таки фантастические.

Авторский актив журнала посылает каждый день на почтовых конвертах появлялись все новые и новые адреса.

...Живописный городок Штейр расположен в Верхней Австрии. Его часто посещают туристы. Их привлекают живописные окрестности города, древняя архитектура. Что касается молодого парня Теодора Ш., то для него родной город — это прежде всего место, где он работает, где живут его товарищи. Раньше Теодор Ш. служил на автомобильном заводе. Но потом произошло сокращение, и его уволили. Он стал безработным. Однажды Теодору Ш. случайно попался номер «Молодежь мира». Прочитав журнал, юноша решил написать в редакцию о земляках, какие вопросы волнуют их. Статья получилась удачной. За ней последовали другие. И Теодор Ш. стал постоянным корреспондентом «Молодежь мира».

Таких друзей у журнала сотни. Они рассеяны по всем странам мира. Это простые рабочие, крестьяне, студенты. Они рассматривают издание «Молодежь мира» как свое кровное дело. Ежедневно редакция получает от них десятки статей, очерков и писем, в которых они высказывают свои пожелания, порою критикуют журнал или выражают свое мнение относительно тех или иных опубликованных материалов. Без их каждодневной помощи журнал никогда бы не смог стать действительно молодежным и действительно международным изданием.

И если сейчас среди молодежи с каждым днем ширится движение за расширение дружбы и сотрудничества, то в этом есть и немалая заслуга журнала «Молодежь мира», глашатай мира и дружбы молодого поколения.

В. КУДРЯВЦЕВ

ПИСЬМА ЮДЖИНА ДЕННИСА

Недавно Коммунистическая партия США — боевой авангард американского рабочего класса — отмечала 37-ю годовщину со дня основания. За годы своей истории Американская компартия выдвинула немало замечательных борцов, чьи имена известны всему миру. Одним из них является Юджин Деннис.

Вот уже тридцать лет Деннис находится в рядах Американской компартии, из них двадцать лет — в составе ее Национального комитета и десять лет — на посту генерального секретаря компартии.

Перу Юджина Денниса принадлежит много печатных работ, в том числе «Мир, которых не упрепят за решетку», «Народ против трестов», «Является ли коммунизм антиамериканским?», «В защиту вашей свободы».

Недавно Нью-Йоркское издательство «Интернейшнэл публишерс» выпустило новую книгу «Письма Юджина Денниса из тюрьмы».

В 1951 году Юджин Деннис был брошен за железную решетку на основании закона Смита и освобожден лишь в марте прошлого года. Эти годы он провел как заключенный № 71488 в одной из мрачных американских тюрем в южноамериканском городе Атланте. Из тюрьмы он мог лишь издавать писем своей семье — жене и сыну — на листочке бумаги установленного формата.

Ныне мы печатаем некоторые письма Денниса своему сыну.

Здравствуй, сынок!

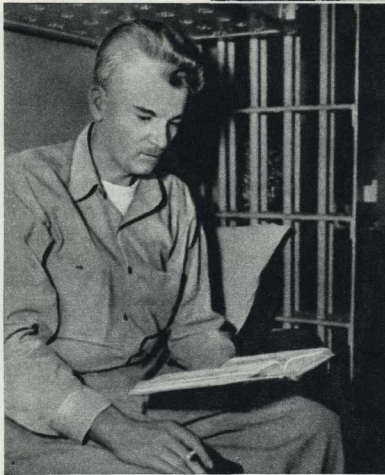
К тому времени, как ты получишь это письмо, ты уже начнешь новый учебный год. В детстве, когда нас распускали на летние каникулы, я всегда радовался, но к концу лета сорвал от нетерпения письма вернуться в школу. Уверен, что и ты рад этому. Теперь тебе предстоит познать новые, интересные вещи, встретить опять со старыми друзьями. Дай мне знать, как тебе понравился новый класс и что ты изучаешь.

Между прочим, знаешь ли ты, что в этом году насчитывается около сорочка миллионов учащихся в нашей стране! Но из-за того, что миллиарды долларов тратятся на войну и военные приготовления, не хватает учителей (нужно еще дополнительно 25 тысяч учителей), не хватает классных помещений (500 тысяч), не хватает учебников, горячих завтраков, страдает медицинское и транспортное обслуживание. Кроме того, более 25 процентов всех школьных зданий опасны в противопожарном и санитарном отношении и нуждаются в замене. Это еще одна причина, почему люди хотят мира, а не войны, почему они хотят школ и хороших вещей для жизни, а не пушек и атомных бомб. Верно?

Теперь, когда ты снова в городе, я могу хорошо представить, как тебе придется заниматься с твоими домашними заданиями. Пусть здравый смысл одержит верх...

15 сентября 1951 года.

Дорогой сынок! Я был очень рад получить от тебя письмо и узнать, что ты играл деду Морозу на рождественском торжестве, устройном для детей, родители которых стали жертвами закона Смита, и их друзей. Интересно было бы посмотреть на эту встречу, особенно на «демонстрацию писем», которую мы организовали по ходу пьесы для освобождения красного деду Мороза от ФБР. Это поучительно для многих взрослых. Если бы достаточно людей действовало вместе, они могли бы освободить всех крас-

Юджин Деннис в камере федеральной тюрьмы Нью-Йорка.

ных, которых ФБР держит в тюрьме, то есть всех тех американцев, в жилах которых течет красная кровь и которых бросают за решетку только за то, что они борются за мир на земле, за добрую волю и свободу для всех мужчин, женщин и детей.

3 января 1952 года.

Дорогой сынок! Из твоего письма я вижу, что ты продолжаешь изучать жизнь животных Африки. Как ты хорошо знаешь, в

Африке есть нечто значительно большее, чем львы, носороги и жирафы. Там же, как есть нечто большее в Америке, чем медведи, буйволы и олени. Хотя изучение жизни животных — вещь интересная, нужно прежде всего изучать жизнь, историю и развитие народов и наций.

Африка отныне уже не является спящим континентом, безропотным источником рабского труда, бесконтрольного грабежа золота, алмазов, меди и кобальта...

От Южной Африки до Кении и Туниса во всем мире, черные и коричневые, ведут великую борьбу за национальную независимость, человеческие права и свободу. Народы Африки, встречая поддержку всего прогрессивного человечества, пришли к движению. Надеюсь, старина, что твоё школьное изучение Африки включит и это — и даже больше.

15 января 1953 года.

Дорогой сынок! Я замечал, что ты продолжаешь глотать одну книгу за другой. Рад, что тебе понравились «Приключения Робин Гуда». И для меня это была одна из ранних любимых книг. Недавно я прочитал «Старик и море» Эрнста Хемингуэя. Книга написана и для молодых и для старых. Я думаю, что она тебе может понравиться. Заслуживает также превосходной, поучительной книги Филипа Фонаера «История рабочего движения США». Большинство других книг по истории нашей страны игнорируют или извращают великую роль рабочего движения в прошлом и настоящем.

Однако организации и лучшие руководители американского рабочего класса играли важнейшую роль в жизни нашей страны. Их роль была решающей не только в борьбе за поднятие жизненного уровня народа, за отмену 10-, 12- и 14-часового рабочего дня и детского труда, за создание народных школ, но также и в достижении победы в войне за независимость в 1776 году, в гражданской войне 1861—1865 годов за отмену рабства, а также в антифашистской войне, закончившейся в 1945 году.

На счету у рабочего класса имеется много друзей больших

«НОЧНЫЕ СТОРОЖА»

достижений, например, в борьбе за билль о превах, за равные права для негританского народа, а также за женщин и молодежь, за демократию, против фашизма, за мир, против империалистической войны. На счету у рабочего класса имеется также много неудач и много недостатков сегодняшнего американского рабочему классу, как наиболее прогрессивному и революционному классу страны, предназначенного вести наш народ вперед.

Во времена старина, для тебя будет ценным включить в свое чтение старые и поздние правдивые повести, романы и небыльеристические произведения, рассказывающие о полной истории нашей страны и народов, а также других стран и народов.

22 января 1953 года.

Мой дорогой сын! Меня весьма заинтересовал твой рассказ о трехразмерном фильме, который ты смотрел с мамой. Вероятно, эта новая техника сможет сделать кинофильмы более «живыми» и увлекательными. Все это к лучшему. Но Голливуд и американская киноиндустрия для обеспечения промышленности нужно нечто значительнее более важное, чем трехразмерный фильм. Им нужны новаторы. Им нужно выпускать кинофильмы совсем иной ценности. Народ нуждается в кинофильмах и пьесах, которые вместо поклонения «всемогущему доллару» и превращения роли человека в образ животного, изображали бы реально жизнь и ту жизнь, к которой стремятся люди. Народ высоко бы оценил эти фильмы и пьесы.

Если хочешь посмотреть трехразмерный фильм. Но еще больше я хочу увидеть фильмы, способствующие миру вместо войны, дружбе вместо вражды, между народами, фильмы, которые изображали бы жизнь рабочих, фермеров и интеллигентов, их борьбу и надежды и не строились бы на мрачных сюжетах о гангстерах, ОПБ и верхушке общества. Да, нам нужны фильмы, пьесы, книги, песни, телевизионные передачи, созданные для народа, народом и о народе. Нам не нужны фильмы о ворах до мозга костей, о лордах доллара, выпускаемые для того, чтобы обманывать и отвлекать народ, отвлекая от реальной действительности, хотя бы на несколько часов.

1 марта 1953 года.

Дорогой сын!

Как чудуешься себя снова в Сан-Франциско! Хотя мне довелось жить там короткий период, я очень полюбил этот город. Любил залы, холмы и холмы. Но в особенности полюбил Сан-Франциско за то, что он всегда был боевым городом, рабочий класс которого имеет много старых традиций. Когда мне и маме пришлось так жить и работать шофером грузовых машины, но большую часть своего времени уделяя работе по организации водников. Сан-Франциско — это ворота на Восток, место работы Организации Объединенных Наций. Было бы неплохо, если бы мы смогли помочь превратить этот город в ворота мира и дружбы между США и Китаем...

2 августа 1953 года.

Перевод с английского.

Радостно открыть книгу, на которой стоит неизвестное еще в литературе имя, и почувствовать возникшие жизненных восприятий, неперемывавшиеся образы. Именно такое ощущение возникает при чтении рассказов Ильи Лаврова. У автора своя манера письма, свой подход к обороту жизненных явлений, свой вкус в выборе героя.

Глаз молодого писателя останавливается на рядовых, простых людях. Ночной сторож, проводник вагона, бухгалтер, мелкий служащий — вот круг героев автора книги.

Интересно по своей идее и композиции рассказ «Вынгирис». В нем рельефно вырисовываются два характера.

Полыни и Бричкин работают проводниками в одном вагоне, оба влюбляются в хорошенькую,

лукавую, насмешливую Гаюю — проводницу соседнего вагона. Оба мечтают связать с ней свою жизнь, но как различны эти мечты у каждого из них! Полыни, говоря Гаюе о своих чувствах, тут же залпом выкладывает всю жизненную программу: «Ла мы бы с вами такие дела завернули в жизни! Осточерела мне эта работа и такая жизнь... Давайте уходим куда-нибудь в небольшой городок, заведем хозяйство».

Лирически настроенный Бричкин, наоборот, не делает никаких признаний, ничего не сплит Гаюе, но именно он, с его заостренным, горячим и вместе с тем робким чувством, находит отклик в ее душе.

Этот рассказ, как и ряд других «Надписи вбок», «Дважды», «Девушка с зонтиком», — проникают глубоким лиризмом.

Но творчеству Лаврова присущи и общительные черты. Автор понимает, что медлительно и поплотнее охватывает все, когда они прикрываются легкой маской, лицемерием, разглагольствованиями о возмущенном. Носителя таких качеств он разоблачает в образе режиссера Снеготорова-Хомыкова («Два имени»).

Рассказы И. Лаврова будят мысли и чувства. Но все же говорить об этой книге как о бесспорной удаче нельзя. Герои книги подчас живут замкнуто. Складывается такое впечатление, будто не только они, но и сам писатель не чувствует настоящего дыхания нашей жизни. Хотелось бы думать, что Илья Лавров сумеет преодолеть эти недостатки в дальнейшей работе.

Д. МИЛЮТИНА

«ТРИ РАУНДА»

Смелость, мужество — вот те моральные качества, которыми прежде всего тот бы обладал каждый молодой человек. О воспитании этих качеств рассказывает Виктор Пушкин в повести «Три раунда», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия».

Автор повести — мастер спорта СССР, в недавнем прошлом один из сильнейших боксеров страны. В 1944 году он завоевал звание чемпиона СССР в полутяжелом, а на следующий год в легком весе. В 1947 году В. Пушкин окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Автору удалось интересно, с глубоким знанием тонкостей бокса показать, как слабый, не верящий в свои силы Виталий Шмелев стал смелым, сильным и ловким юношей.

Раньше, когда Виталий «что-нибудь не понимал или что-нибудь у него не ладилось, он после нескольких попыток отступался, но оправдывался перед собой тем, что поддается, не получается». Но бокс показал ему, что все возможно, если будешь упорным в своем искании, если не будешь бояться поражения. И Виталий Шмелев, некогда беззаботно переносивший обиды от худенького и болезненного Жоржика Ежа, быстро развивался в смелого, знающего спорт

лукавую, насмешливую Гаюю — проводницу соседнего вагона. Оба мечтают связать с ней свою жизнь, но как различны эти мечты у каждого из них! Полыни, говоря Гаюе о своих чувствах, тут же залпом выкладывает всю жизненную программу: «Ла мы бы с вами такие дела завернули в жизни! Осточерела мне эта работа и такая жизнь... Давайте уходим куда-нибудь в небольшой городок, заведем хозяйство».

Лирически настроенный Бричкин, наоборот, не делает никаких признаний, ничего не сплит Гаюе, но именно он, с его заостренным, горячим и вместе с тем робким чувством, находит отклик в ее душе.

Этот рассказ, как и ряд других «Надписи вбок», «Дважды», «Девушка с зонтиком», — проникают глубоким лиризмом.

Но творчеству Лаврова присущи и общительные черты. Автор понимает, что медлительно и поплотнее охватывает все, когда они прикрываются легкой маской, лицемерием, разглагольствованиями о возмущенном. Носителя таких качеств он разоблачает в образе режиссера Снеготорова-Хомыкова («Два имени»).

Рассказы И. Лаврова будят мысли и чувства. Но все же говорить об этой книге как о бесспорной удаче нельзя. Герои книги подчас живут замкнуто. Складывается такое впечатление, будто не только они, но и сам писатель не чувствует настоящего дыхания нашей жизни. Хотелось бы думать, что Илья Лавров сумеет преодолеть эти недостатки в дальнейшей работе.

Смелость, мужество — вот те моральные качества, которыми прежде всего тот бы обладал каждый молодой человек. О воспитании этих качеств рассказывает Виктор Пушкин в повести «Три раунда», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия».

Автор повести — мастер спорта СССР, в недавнем прошлом один из сильнейших боксеров страны. В 1944 году он завоевал звание чемпиона СССР в полутяжелом, а на следующий год в легком весе. В 1947 году В. Пушкин окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Автору удалось интересно, с глубоким знанием тонкостей бокса показать, как слабый, не верящий в свои силы Виталий Шмелев стал смелым, сильным и ловким юношей.

Раньше, когда Виталий «что-нибудь не понимал или что-нибудь у него не ладилось, он после нескольких попыток отступался, но оправдывался перед собой тем, что поддается, не получается». Но бокс показал ему, что все возможно, если будешь упорным в своем искании, если не будешь бояться поражения. И Виталий Шмелев, некогда беззаботно переносивший обиды от худенького и болезненного Жоржика Ежа, быстро развивался в смелого, знающего спорт

Повесть «Три раунда» — одно из произведений на спортивную тему, вселяющих в молодежь веру в свои силы, помогающих привыкаться к активным занятиям спортом, становиться смелыми, сильными и ловкими.

В. СТЕПАНОВ,
заслуженный мастер спорта.

«ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ»

В русском разговорном и литературном языке есть множество слов и словосочетаний, которые утратили свое первоначальное значение и употребляются в ином смысле.

Кому не известны, например, такие выражения, как «вынести на свежий воздух», «сделать кому-то «коротковолосость» и т. д.? Они употребляются нами весьма часто. Но не многие из нас могут сказать, как они возникли.

На страницах журнала «Огонек» в течение 15 лет печатались лаковые заметки под интригующим заголовком «Почему мы так говорим». Автор этих заметок Илья Уразов коротко и популярно объяснял происхождение многих слов и выражений. Уразов не вдавался глубоко в чисто лингвистический анализ, а старался связать историю слова с историей вещей и понятий, найти новое в их происхождении.

Недавно в издательстве «Права» вышла в свет книжка «Почему мы так говорим», в которой собраны некоторые из заметок И. Уразова.

Прочитав эту книжечку, можно узнать, что слово «атлет» зародилось на территории нашей Родины, в херсонском государстве в конце VIII — начале IX века и стало международным названием математической науки. В книжке объяснено, что «заметки профессору» называются так по шутке факада дома, в котором собрался студент, созданный во время записки на заводские организации. Выражение «на широкую ногу» возникло во Франции в XIV веке, когда среди привилегированного класса существовала мода на длинную и большую обувь: чем длиннее обувь, тем знатнее и богаче человек...

Небольшие заметки, помещенные в книжке «Почему мы так говорим», расширяют наш кругозор, углубляют наши познания о словах, о родном языке в целом, приносят любовь к нему.

Д. СМИРНОВ

МОСКВА— ГОРОД ФЕСТИВАЛЯ

фото Георгия Петрусова.

*Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось,
Как много в нем отозвалось...*

Эти слова, написанные более ста лет назад великим поэтом М. Ю. Лермонтовым, наполнились сегодня новым звучанием не только для русского человека, не только для всех граждан Советского Союза, но и для очень многих людей за рубежом нашей Родины.

Имя Москвы, города славных революционных традиций, города древнего и юного, стало символом свободы, мира и справедливости для всех народов земли.

Весной и летом 1957 года Москва будет принимать гостей. Сюда съедутся участники двух фестивалей: I Всесоюзного и VI Всемирного. Они вольются в шумный поток москвичей и, хочется надеяться, почувствуют себя, как дома. Москва радушно встретит их, широко распахнет перед посланцами народов двери театров, стадионов, дворцов, музеев, свои улицы и площади, поздравит юношей и девушек из различных стран, поможет молодежи найти общий язык, язык мира, дружбы и взаимопонимания.

Давай же, дорогой читатель, пройдем с тобой сегодня по Москве, посмотрим в ее неповторимо прекрасный облик. От Кремлевской набережной, полюбовавшись Московской-рекой, мы направимся по городу.

Мы с гордостью показываем гостям памятники старины — такие, как Большой театр Союза ССР или заложный много десятилетий назад крепостными графа Шереметьева Останкинский ларь (справа внизу). Но Москва не только город памятников прошлого, это город настоящего и будущего, ежеминутно обновляющийся и растущий. Москвичи испытывают гордость, проходя по территории Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, мимо фонтанов и стройных павильонов, глядя на новое здание Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, проезжая по улице Горького, в которой теперь никто не сможет узнать бывшей узкой, извилистой Тверской. Нам приятно и редостно видеть восхищение, которое вызывает у приезжих Центральный стадион имени В. И. Ленина в Лужниках, кварталы восьмизэтажных жилых корпусов в районе Ново-Песчаной улицы. Мы гордимся, ибо знаем, что еще совсем недавно, каких-нибудь пять — семь лет назад, на месте красавца университета, стадиона или Ново-Песчаной расстилалось поле, мокрый болотистый луг и стояли временные постройки.

На этой странице ты видишь, читатель, одну из красивейших магистралей города — улицу Горького, недавно разбитый на площади Пушкина сквер, Крымский мост через Москву-реку. Это отдельные черты нового облика столицы, создаваемого вдохновенным трудом советских людей.

До свидания, друг! До новых встреч на улицах нашей Москвы!

Уже третий месяц, как мы голудевем.

Последние две недели мы ели только один раз в день. Моя мать маленькими порциями делала кукурузную пшеницу. Одна порция — два раза глотнуть, — и до завтра ничего. Мы, четверо ребят, ели две ложки и не могли встать, укрывшись большим рядом. Там было тепло, и мы не попадались на глаза взрослым. Отец уже перестал искать работу и почти все время просиживал на низкой скамеечке возле печки. Иногда он подсаживался к нам и начинал рассказывать сказки. Но всегда неожиданно обрывая свой рассказ словами: «Завтра в зам доскажу» — и снова возвращается к своим думам. Ни разу он не досказал начатую сказку, да и во время рассказа так часто и подолгу задумывался, что отходило сказки перестали нас радовать.

Голод — страшная вещь. Кто не испытывал его, тот не может представить себе наших ощущений. Проглотив еще горючую порцию пшеницы, мы толпились около чулана, хвеляли его и кто ложкой, кто ножом выскребали из него все, что там оставалось.

При таком голоде каждый рот на учет. Чем больше ртов, тем большая беда. А у нас ртов было достаточно.

Однажды вечером мой дедушка, которому ямную семидесять лет, но своей порции пшеницы и принес ее нам в кровать. Большими морщинистыми руками он крошила и сыпал в наши руки кашу, каждую крошку которой мы подбирали, как быталы. Мы не задумывались и не спрашивали, почему дед не ел сам, а только смотрели на него большими, удивленными глазами и потягивали крошки.

Тяжело нарушая отец. Он поднял на деду свои глубокие запавшие серые глаза и сказал:

— Вы поступаете хорошо.

Я тоже подумал, что хорошо. Приятно было получить нежонданую, хоть и маленькую порцию. Дед соскочил приставив к ладони последние крошки и тихо спросил:

— Ты так думаешь, Ферко?

— Да, я думаю так, — ответил отец.

У матери из рук выпала большая миска, в которой она мыла посуду. С перепуганным лицом она гатула на деду, потом на отца и медленно отвернулась.

Дед вытер руки о штаны и стал поправлять подушку у нашего изголовья. Он проделывал это с большой тщательностью и нежностью. Затем отходя к печке, наклонился, поднял сетку вети и, переломав их, сложил в кучу. Помочился с этим, дед обратился к отцу:

— Ты будующий год попытайся взять в долом землю Андроса Кача. К тому времени Ферике подрастет и сможет помогать тебе.

Отец не смотрел на деду. Он встал у рот соломинку и задумчиво стал жевать ее.

— Подумай и о том, что сказал Матос Яни, — продолжал дед, — Носте на базар разбавленное вино и через несколько лет кроче лошада.

Отец молчал. Давнишни поводом для спора в семье были любимые дедушкины разговоры о разбавленном вине. Ямного, от которого обрывал деду, а теперь слушал молча.

Мы с удивлением смотрели на

Рисунок П. Пинкисевича.

Ференц ШАНТА

ОДГАЖДЫ ВЕЧЕРОМ...

Рассказ

Ференц Шанта — современный венгерский писатель-новелист. Недавно его произведения были отмечены премией имени Ножфара Аттилы. Рассказ «Одгажды вечером...» посвящен жизни крестьян в старой Венгрии, напечатан в газете «Народный Уиньяр», органе Союза венгерских писателей.

все, и дедушка, вероятно, решил, что говорит не зря.

— Ну, так нечего и тянуть, слышай, сынок! — сказал он и положил руку на плечо отца.

Отец встал и, немного поехившись, ответил:

— Тогда готовьтесь. Остальное я сделаю сам.

— Ну, ты увидишь, что мать, стоа у двери, плачет. Потом она отошла от двери, сняла с вешалки шинель, баранючую шапку и подала отцу.

Мать делала это неохотно, но, видимо, знала, что если не сделает, то будет ей плохо. Отец нагнул шинель на плечи и, не оглядываясь, вышел.

Среди детей я был самым старшим, но и для меня все происходившее казалось странным. Что это означает? Вдруг я почувствовал, что дед стоит около меня.

— Ты Ферко, вот то гнездо в стене горы Балванош, которое я тебе показывал... ты думаешь достать его оттуда?

Дед смотрел на меня, и губы его дрожали, словно он собирался заплакать.

— А ты большею, красивую лису, которую я тебе показывал... ты сумеешь выкурить из норы! — продолжал он.

Я смотрел на него в недоумении.

— Слышишь, Ферко... А ту ветку бузины, которая годится на ро-

гатку, ты сумеешь срезать без меня!.

Мне показалось, что в глазах его заблестели слезы. Тогда я взглянул на мать, но она сидела неподвижно, закрыв лицо передником.

Мне стало страшно, и я спросил:

— Дедушка, что-нибудь случилось?

Но он уже не глядел на меня. Достав из-под подушки свирель, которую он сам делал, дед посмотрел и ошугал ее, словно незнакомую вещь, затем поднес к губам, дунул в нее слегка и, положив обратно, подошел к матери:

— Дай мне чистую смену, Анна!

Все происходившее перед моими глазами казалось мне необычным, а потом я совсем перестал понимать, что делалось с отцом, с матерью и с дедом.

Мать открыла большой сундук, вынула оттуда чистые штаны, рубашку и носки. Все это она вручила деду с торжественностью, но как всегда, и с таким видом, словно ставила свечу перед церковной иконой.

Дедушка переоделся во все новое, давни брызнул себе воды на лицо, утерся и сел к столу, буднично приняв в гости. Он сидел неподвижно, положил руки на колени, и не смотрел ни на нас, ни

на мать. Два два он шимгнул носом и только тогда чуть пошевелился, чтобы вытереть лицо кулаком.

Мать поставила на огонь большую чугун с водой. Для чего? Ведь пухляк была уже сварена и съедена. В то, что мать снова будет варить кашу, я не мог верить. Ее крепко попадало от отца, если она из жалости к нам пыталась лишней раз покормить нас.

Когда дед вернулся, дед сидел попеременно как гость, а мать продолжала кипятить воду.

Отец принес подмышкой кружку, а в руке бутылку водки. Я понимал, что он мог получить все это только в долг, но не знал, какой глупец дал ему. Кудри он передал матери, а водку поставил на стол перед дедом.

Сидя у шивель, отец сел к столу с таким видом, будто весь день работал, хотя он только и делал, что грелся у печки.

Пока варились курица, все молчали. Отец сидел, обрезая себе ногти маленьким ножиком, а дед пил воду.

От чугуна шел такой изумительный аромат, что слона перебилла наша рты. Мы возбужденно толпились под рядом друг друга, стараясь подобрать ноги так, чтобы приготовить место для миски с едой. Но мы не получили ни одной крошки, ни одного кусочка. Все достало дедушка съел сам. Несколько раз ввремя еды он поглядывал в нашу сторону, один раз собрался даже поднести нам кусок курятины, но отец схватил его за руку и, усидев на месте, саркастично сказал:

— Оставьте их. Ешьте, это все ваше.

Если бы то, что они проделывали, не было столь сумасбродным и необычным, я, наверное, разревелся бы. Но теперь от удивления я не способен был даже на это. Во все глаза смотрел я, как дедушка ел курицу, как разлил вино, как вынул и клял себе в рот кусок за куском.

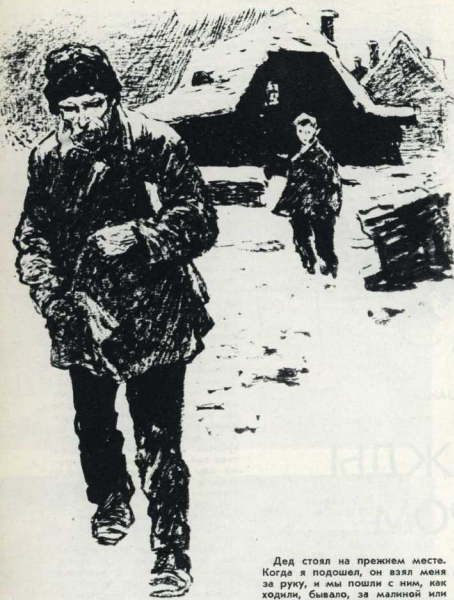
В тишине слышало было только чавканье и смелание.

Отец посмотрел на меня, и я отворнулся. В глазах отца было обещание выдрать меня, если я осмелюсь взять или попорить хотя бы кусочек.

Мать стала убирать со стола, а дедушка, не мешая ни минуты, встал, надел шапку, взял шавалятин поддевку и топор. Отец стоял позади него, опустив голову, будто провинившийся. Быстро, словно опасаясь, что ему не выйдти из кабинета, дед подошел к двери, распахнул ее, выпер остановившись и обернулся. Ветер я отчетливо видел, что дед плакал.

Сверху он посмотрел на мать, потом на меня. Мать подошла к кровати и стала снова одевать. Отец не возражал.

Мы вышли в темноту. Ночь была звездная, страшно холодная, казалось, что воздух застыл. Отец стоял с непокрытой головой, я в башмаках брата, не чувствуя мороза. Слезы душили меня, а предчувствие какой-то большой беды симило мне сердце. Я не мог оторваться и все время, пока мы шли, я вглядывался в отца. Он стоял на ступеньках крыльца, одна рука его была засунута в карман поддевки, другая крепко сжимала топор. Похоже было, что дед готовился и все время, пока мы шли, дед мысленно там, вспоминая своего дедушку на всю жизнь. Отец был неподвижен. Он смотрел куда-то, но ви-

дел, наверно, не много. После долгого молчания дедушка заговорил:

— Так завтра приходите, я все оставлю там.

Отцу ничего не ответил, только поднял голову, будто собираясь считать звезды. Дед повесил голову на руку и стал прощиться.

— Бог да благословит вас, сынок!

Отец вздрогнул, взглянул на землю и, как бы обращаясь к ней, сказал:

— Бог да благословит вас!

А когда дедушка уже отошел, он тихо послал ему вдогонку:

— Берегите себя!

И смотрел вслед удаляющемуся дедушке, видел, как он пересек дорогу и направился к пещеру. Мне хотелось крикнуть ему, что он не поспрашивает со мной, хотелось сказать ему: «Бог да благословит вас, дедушка. Я собрался уже побежать за ним, как вдруг лед остановился и, переменив с ноги на ногу, повернулся ко мне».

— Ферикел! — крикнул он, и голос его едва был слышен. — Пройдись со мной немножко!.

Отца оглядела мать с ног до головы и кинула:

— Ступай к дедушке!

Дед стоял на прежнем месте. Когда я подошел, он взял меня за руку, и мы пошли с ним, как ходили, бывало, за малиной или за грибами, когда он по дороге рассказывал мне сказки, учил собирать птичьи яйца, находившие мед, козью бородку и другие травы. Но сейчас дед ничего не говорил. Медленно шагая, он только изредка сжимал мою руку. Я шел, спотыкаясь, потому что все время смотрел на дедушку и не знал, сошел ли он с ума или с ним произошло что-то другое. Я хотел просить, чтобы он не вел себя так, чтобы перестал быть таким странным, но то я разревусь.

Кончилась изгородь, и дед остановился. Он присел передо мной на корточки и некоторое время смотрел мне в лицо. Затем поднял мою голову и трижды пролил мне в лицо красную-красную слезу, так, как это делают маленьким и больным детям, чтобы им не тронула порча. Потом дед поцеловал меня, чего никогда прежде не делал, и неприятным, хриплым голосом сказал:

— Ну, дай домой. Скажи матери, чтобы она берегла тебя, потому что меня ты больше не увидишь.

Тут он поднялся с такой поспешностью, словно его кто-то позвал. Больше дед не взглянул на меня, и не успел я опомниться, как его фигура исчезла среди деревьев за густой пеленой наметавшегося снегопада.

Отец стоял все на том же месте и глядел в небо, как и в ту минуту, когда я его оставил. Он отходил меня в избу. Малыши уже спали, а матери в комнате не было. Я сел на дедуш-

кино место и решил ждать его возвращения.

Когда отец вошел в избу, я отжался спросить:

— А когда дедушка вернется домой?

— Тогда, когда ты перестанешь спрашивать! — угромо ответил отец.

Он шагнул по комнате взад и вперед, тербя свои усы и вел себя, как мажорда на цепи. Брал в руки то одно, то другое, но тут же клал на место. Наконец, он присел на свою скамейку и уткнулся на огонь.

Мать вошла с ступом алаешником и сбросила свою ношу. Отец стал подбрасывать дрова в печку. Огонь гудел, трещал, искры стреляли во все стороны, ась пеще, казалась, кричала, стонала, а отец все подбрасывал, и лицо у него было такое страшное, что я подумал: «Скажи ему сейчас хоть одно слово, он тут же прибьет меня!».

Кто-то постучал в дверь. Мать пошла открывать и вернулась с Игнатом Чуршем, дедушкиным кумом.

— Добрый вечер!

— Дай бог! — приветствовал его отец, но не встал с места, а только закрыл дверцу печки.

Мать подвинула стул, и дядя Игнат, опираясь на свою красную кожаную палку, сел. Никто не обращался к нему, хотя по всему видно было, что он только и ждет разговора. Он ерзал на стуле, откашливался, сморкался, щурясь свои маленькие старческие глаза, но так как все продолжало молчать, спросил:

— А где старик!

Мой отец и теперь не взглянул на него.

— Как видите, его здесь нет! Дядя Игнат вытаскил кистет с табаком, но не закурил. Он оглядывая вокруг, посмотрел на нас, посмотрел лицо матери и, наконец, оставил свой взгляд на дедушкиной скамейке, где еще лежала оставленная им старая одежда. Тихо, ни на кого не глядя, дядя Игнат спросил:

— Так это правда, что он ушел?

— Отец поднял голову.

— Куда?

— Наверя, в гевину.

Сердце мое заколотилось, горло пересохло, что-то сильно сдавило мою грудь. Ой Генвал! Оттуда не вернется ни одна живая душа! Кто хоть раз видел ее серый воздух, немедленно задохнется. Если птица залетит в эту пещеру, она не вылетит больше оттуда. И дедушка умрет там. Боже мой, дедушка!.. Значит, он не вернется, значит, он нарочно пошел туда, а отец и мать знали об этом и отпустили его! О Боже мой! Как далеко он уже ушел! И никто не видел за ним, никто не хочет вернуть его!

Теперь я понял все. Я вспомнил, как около месяца тому назад рассказывали о таком же случае и говорили: «Правильно поступил, все же в семье на один рот стало меньше». И все одобряло это. Не думаю я тогда, что так поступит и мой дедушка. Я заплакал, заплакал тихо, боясь, чтобы не заметил отец. Но отец смотрел на деду Игната.

— Откуда вы знаете?

— Мне сказал сын Андрощ. Говорит, ты ходил в кабак за водкой, видел, как ты нес курину.

— Да, это правда! — ответил отец.

Он снова открыл дверцу печки и уткнулся на огонь.

— Давно он ушел!

Отец больше не промолвил ни слова, как будто не замечая Игната Чурша.

За него тихо ответила мать:

— Да так, может быть, с четверть часа...

Чурш молча кинула головой, встала и направилась к выходу. Из открытой двери обернулся, посмотрел на нас и спросил у матери:

— А ребят он поцеловал?

— Нет, ни одного... — откликнулась мать, вытерла передником глаза и пошла проводить Игната.

Отца, повидному, начало лихорадит, потому что он снова стал подбрасывать дрова в печку и разгнев огню пуще прежнего. Это был настоящий адский огонь, а отец выглядел так страшно, что я боялся поинуть.

Тихоно прокрался к кровати, забрался под радику да так и заснул весь в слезах.

Утром меня разбудил отец. За всю ночь он даже не прилег.

— Вставай, пойдем в лес. Топить нечем!

Идти было необходимо, так как отец сжег за ночь все дрова. В избе не осталось ни одного полена.

До обеда мы рубили сучья. Я все время думал о дедушке, а о чем думал отец, не знаю, но он ни разу не обругал меня, даже тогда, когда я ударил себя по пальцам.

Наконец он сказал:

— Ну, хватит.

Я повернул на тропинку, чтобы идти домой, но отец окликнул меня:

— Не туда!

Мы пересекли лес и направилась к горам, где находилась гевина. Сердце мое билось, как колокол во время пожара. Я шагал вслед за отцом. Он не брал меня за руку, как делал это дедушка.

Подойдя к пещере, мы сразу же наткнулись на дедушкину одежду. Она была аккуратно сложенная, а на самом вершуре лежала Барышковая шапка, принадлежавшая большому камнем. Топор дедушка унес с собой.

Мне было так страшно глядеть на эту грудку вещей и сознавать, что это дедушкино!

Отца нагнулся и стал подбирать вещи. Когда он приподнял дедушкину шапку, из-под нее что-то выпало и покатылось по снегу. Мы наткнулись. Это была одна из курюных ножек. Я стоял и не мог шелохнуться. Отец поднял ее, подержал, как бы взвешивая на ладони, положил в мою сумку, близко подошел ко мне и, чего никогда прежде не бывало, провел ладонью по моему лицу, сказал:

— Потом, дома, съешь, сейчас она замерзла.

Может быть, отец забыл, что дома у нас столько ребят! А можно ли есть вещи, что дедушка оставил эту курюную ножку своему любимцу!

Ничегого поодаль, ближе ко входу в пещеру, лежала еще одна курюная ножка. Это ушло в ней одеждо Игната Чурша. За этими вещами никто не пришел, да и вряд ли придет. Они были ветхие, дыря на дыру. Никто и гроша не дал бы за них.

Перевод с венгерского
И. РЯБИНОЙ.

Из всех городов, где до сих пор проходили современные Олимпийские игры, Мельбурн, пожалуй, самый юный: ему немногим больше ста лет. И поэтому весьма знаменательно, что именно он избран местом встречи сильнейших молодых атлетов пяти стран, местом грандиозного турнира, который пройдет под знаком дружбы и мирного спортивного соперничества.

История Мельбурна коротка, но этот город, образно выражаясь, полон чувства собственного достоинства и величия. Расположенный между горами и океаном, он раскинулся на обоих берегах Ярры, на редкость спокойной реки, обрамленной замечательными парками и садами. Австралийские заклинатели, которые круглый год не расстаются с аистовой, радуют глаз своим изумрудным нарядом и в зимнее время; они придают городу еще более живописный вид.

В конце ноября, когда на главном Мельбурнском стадионе зажжется традиционный олимпийский огонь, на смену австралийской весне придет австралийское лето. Правда, климат Мельбурна отличается неопределенностью, но надо надеяться, что к началу Олимпийских игр наш город представит перед 60 тысячами иностранцев во всей своей красе.

Давайте же совершим небольшую прогулку туда, где разгорятся спортивные соревнования, и попутно познакомимся с городом и его жителями. Конечно, прежде всего мы направимся к главному стадиону, на центральной арене которого будут проходить основные составные и всякого рода официальные церемонии.

Главный стадион рассчитан приблизительно на 120 тысяч зрителей. Сколько раз с его трибуны любители спорта, волнуясь, наблюдали за горячими схватками крикетистов Англии и Австралии — двух стран, где крикет является национальной игрой! На арене этого стадиона очень часто проходила и решающие финальные матчи между местными футбольными командами. Но наш мельбурнский футбол не совсем похож на своего московского, китайского или лондонского «тезуку». У нас он подчиняется своим особым, австралийским правилам. Не удивляйтесь, если я скажу вам, что в мельбурнском футболе с каждой стороны участвуют не 11, а 18 игроков. Это нечто сред-

Коллинс-стрит. Одна из центральных улиц Мельбурна.

Д. МАРТИН

ТАМ, ГДЕ ЗАЖЖЕТСЯ ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ

Автор публикуемого очерка Давид Мартин — австралийский журналист, поэт и беллетрист. Он активно сотрудничает в прогрессивной печати своей страны и, в частности, в центральном органе Коммунистической партии Австралии — газете «Трибуна». Его публицистические статьи, очерки и новеллы печатаются также в странах народной демократии. Некоторые из рассказов и стихотворений Давида Мартина, переведенные на русский язык, издавались в Советском Союзе.

Очерк «Там, где зажжется олимпийский огонь» написан специально для «Совьета» и прислан из Австралии вместе с рисунками уже известного нашим читателям художника Маури Картера.

нее между игрой soccer¹ и регби. Сремительный бег, молниеносное нападение, эффектные

¹ Soccer или association football — вид футбола, в котором только вратарю разрешается поднимать мяч.

прыжки — вот что особенно характерно для нашего футбола, требующего исключительной выносливости, физического напряжения и ловкости. Нашим зарубежным гостям будет показана эта сугубо австралийская игра в ко-

жаный мяч, хотя обычно в Мельбурне с нее начинается зимний спортивный сезон. Матчи, как правило, проводятся по субботам и привлекают множество людей.

Олимпийский стадион расположен на берегу Ярры, в северной части Мельбурна, в непосредственной близости от самых его жизненно важных районов. Чтобы очутиться в центре города, вам придется прогнать всего десять минут. Вы как раз выйдете на Коллинс-стрит, где сразу же обратите внимание на здание парламента штата Виктория, выделяющееся своей выразительной архитектурой. Присмотритесь, и вы сквозь просветы зелени чудесных Фиттройских садов увидите старинный коттедж. Это дом капитана Кука, выдающегося путешественника, открывшего Австралию... Ну, а сейчас продолжим начатый рассказ, который, надеюсь, вас больше всего заинтересует.

Мельбурнский стадион злетья отстоит к северу архитектурных шедевров, к тому же он не предназначен специально для олимпийских соревнований. Но его амфитеатр хорош тем, что каждому из 120 тысяч зрителей будет видно все, что происходит на центральной арене.

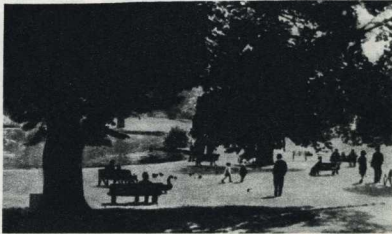
Подготовительные работы на стадионе в основном уже закончены. Все усилия строителей сейчас направлены к тому, чтобы сдать в срок здание плавательного бассейна, которое, несомненно, будет самым совершенным из всех сооружений, предназначенных для Олимпийских игр. Это легкое, светлое здание возмещается на южной стороне, поблизости от реки и главного стадиона. Отсюда открывается вид на наиболее оживленную часть города, где особенно выделяется кафедральный собор св. Павла с его сверкающими на солнце шпилями. Отсюда также виден Принцес мост, соединяющий городские предместья с торговыми и коммерческими районами.

Сразу же за сооружением для олимпийского плавательного бассейна начинается ботанический сад, который по количеству и разнообразию деревьев и растений можно смело назвать одним из лучших в мире.

А на Батман-авеню, улице, которая почти вплотную примыкает к плавательному бассейну, находится стадион для регби в soccer и хоккей. Что касается названия улицы — «Батман-авеню», то она названа так по имени одного выю-

В этом здании, украшенном мозаиками, помещается художественная галерея.

Уголок Мельбурнского ботанического сада.

Один из рабочих кварталов города.

странного дельца, который закупил эту землю (правильнее было бы сказать: приобрел обманым путем) у исконных обитателей Мельбура. Но мне опять придется отвлечься, чтобы хоть вкратце рассказать о коренных жителях страны. Тех ваших гостей, которые рассчитывают увидеть смуглых австралийцев в качестве участников олимпийских соревнований, ожидает разочарование. Лишь один спортсмен с черным цветом кожи удостоится чести пронести олимпийский факел между Дарвином и Мельбурном, а в состязаниях он участия не примет. Что и говорить, незавидная судьба у коренных жителей Австралии! Но это уже тема для другой статьи. Скажу только, что во всем нашем штате осталось очень мало потомков исконных хозяев страны. Разве только кое-кто из них живет еще в трущобах Коллингууда и Фицрой. Пусть об этом вспомнят туристы, наблюдая за удивительным полетом бурманга, пушиного руля австралийца или любез, куляющего у ступица суварном.

А чего могли бы достичь австралийцы на спортивном поле, видно хотя бы на примере такого известного боксера, как Дейв Сайд. Беда в том, что не секрет, что он был достоин венка чемпиона, но ему так и не представилось случая получить это звание.

Однако я чуть не забыл рассказать о том, где будут проводиться соревнования по фехтованию и боксу. Мастера эспадраона продемонстрируют свое искусство в Таун-холле, находящемся поблизости от одного из мельбурихских пляжей.

А борцы и боксеры померятся силами в воздвигнутом для них великолепном здании самого современного типа. Спортивный зал приспособлен здесь и для концертов, которые будут устраиваться в честь участников Олимпийских игр.

Теперь, когда вы уже получили некоторое представление о мельбурихских спортивных сооружениях и о самом Мельбурне, хочу кое-что сообщить вам о Хейдельбергском олимпийском городке, что находится в 30 минутах езды от главного стадиона. Этот городок признат под крышами своих двухэтажных домов 6 тысяч спортсменов и туристов. Здесь они смогут хорошо отдохнуть после утомительного спортивного дня. Городок утопает в зелени и

цветях, посаженных заботливыми руками мельбурихских женщин. На сооружение этого благоустроенного олимпийского лагеря потрачено 2 миллиона 700 тысяч австралийских фунтов стерлингов.

В каждом из 850 домов имеется по две или три спальные комнаты, общая столовая и зал для отдыха и развлечений. Обслуживающий персонал в дни Олимпийских игр будет состоять из 2 тысяч человек.

В течение этого времени повара приготовят 550 тысяч различных блюд, для которых потребуется 14 тонн индиюшатины. Для участников соревнований и других гостей будет выпечено 16 тысяч булок и выпущено 45 тысяч жар морского. Представители 75 национальностей примут участие в соревнованиях, и для каждого из них найдется блюдо по вкусу.

К услугам приезжих окажется целая армия «добровольных» переводчиков, хотя многим из гостей и без их помощи труднее будет объясниться со своими спортивными коллегами.

Если вы сомневаетесь в этом,

Еще не все строительные работы закончены на Олимпийском стадионе, а мельбурихские спринтеры уже тренируются.

Общий вид главного Олимпийского стадиона. Рисунок австралийского художника Маури Картера.

спросите нашего юного Дева Стефенса, и он подтвердит вам, что его родной язык был вполне понятен Эмилио Затопеку и Владимиру Куту.

Географически Австралия расположена сравнительно близко от некоторых стран Восточной Азии, в частности от Индии, Пакистана, Индонезии, Бирмы. Спортсменам и туристам, которые приедут к нам из этих стран, а также из Советского Союза, Китайской Народной Республики и других государств, представится возможность познакомиться с австралийцами в дружеском отношении со сторонами нашего народа. Трудовые люди Австралии, для которых так характерны уверенность в своих силах и упорство в достижении цели, в то же время очень добродушны и гостеприимны. Они приветливо здороваются с любым человеком. Хотя при этом замечают, что пролетарии Мельбура, годившиеся своими славными традициями борьбы за жизненные права трудящихся, особое радушие проявят к посланцам тех стран, где рабочий класс стал солидным хозяином своей судьбы. Отсюда вполне понятно, с каким восторгом встретят они советских спортсменов, которые под знаменем своей страны пройдут перед ними по центральной арене главного Олимпийского стадиона.

Враги мира и прогресса считают разные небылмы об австралийском народе. Они, например, распространяют слухи, что если бы не по словам будет созданы необходимые условия для успешного проведения Олимпийских игр. Но эта ложь опровергнута самой жизнью. Несмотря на то, что предприниматели австралийцы усматривали права мельбурихских строительных рабочих, дело до забастовки не дошло, и лишь только потому, что каждый из них искренне стремился завершить все строительные работы точно в назначенный срок. В те дни рабы возобновили борьбу, когда закончатся Олимпийские игры. Мельбурихские камешники, плотники, землекопы хорошо понимают, что своим трудом они внесли посильную лепту в благородное дело борьбы за мир.

В день открытия Олимпийских игр на рейде Мельбурихского порта будут стоять 24 военных корабля под флагами семи стран. И в ту самую минуту, когда последний участник почетной эстафеты доставит на главный стадион пылающий факел, зажженный на легендарной греческой горе Олимп, над военными кораблями взойдут тысячи белоснежных голубей. По постине будет праздничных голубей, а не бронированных крейсеров!

В этот день Мельбур, который принято считать городом, находящимся «на краю света», окажется в центре внимания народов всего мира. И пять сомкнутых колец, изображенных на олимпийском флаге, будут напоминать собой братьев, взявших друг друга за руки.

г. Мельбури, Австралия.
Август 1936 года.

Перевод с английского
Б. ЗОРИН.

ВОЛШЕБНАЯ КИСТЬ

Сэсё. Автопортрет.

Дзю'н'ити Иваками — известный японский литератор, критик и переводчик. Он много сделал для того, чтобы познакомить своих соотечественников с советской художественной литературой. Из наиболее крупных произведений советских писателей им переведены «Тихий Дон» М. А. Шолохова.

Статья о великом японском художнике Сэсё (Тойо Ода), 450-летие со дня смерти которого отмечается по решению Всемирного Совета Мира, написана Дзю'н'ити Иваками по просьбе редакции «Смены».

Однажды, когда Сэсё был еще ребенком, отец за шалости привязал его веревкой к столбу. Мальчик кричал и плакал, из его глаз ручьем лились слезы. Вдруг маленького Сэсё осенила счастливая мысль. Падая ноги он нарисовал мышью на размокшей от слез земле. И — о чудо! — рисунок начал оживать. Мышь сделалась выпуклой, отде-

лялась от земли и в один миг перетрясла веревку, которой мальчуган был привязан к столбу.

Этой красивой, поэтической легендой японский народ как бы воздал должное своему великому художнику за его чудесное реалистическое искусство.

***

Его настоящее имя было Тойо Ода. Но, стриптиши в монахи сорока трех лет от роду, он назвал себя Сэсё и с тех пор подписывал этим именем все свои картины.

Сэсё родился в 1420 году в деревне Акахама, что находится в западной части острова Хонсю. Он вырос среди крестьян, унаследовав от своего отца, в прошлом участника феодальных войн, несгибаемое мужество и трезвый взгляд на жизнь.

С самого раннего возраста Сэсё проявлял необыкновенные способности к рисованию. Когда ему исполнилось двенадцать лет, он отправился в город Киото, являвшийся в то время крупнейшим культурным центром Японии. Там одаренный мальчик начал изучать науки при храме Сёкокудзи буддийской секты Дзэн, учение которой особенно почиталось тогдашней привилегированной знатью — самураями. Пять храмов этой секты, которыми в ту пору славилось Киото, как бы играли роль университетов. Оттуда по всей средневековой Японии распространилась культура Китая, Кореи и других стран.

Сэсё стал учеником Сюэичи — высокообразованного священника, познакомившего его с культурой Китая эпохи Сун и Юань. Здесь талантливый подросток также получил первые сведения о китайской школе живописи раскрашен, подражая искусству живописцев эпохи Сун. Особое внимание художник Сюэичи уделял живописи знаменитых мастеров — создателей много преноскодных картин — изображений Будды, цветов и птиц. Как пейзажист, он подражал официальному стилю письма, насаждавшемуся на юге Китая, а в Суэской государственной академии живописи.

Изучая науки и живопись, в монастыре, Сэсё обратил внимание на творческую манеру Сюбу'и и стал старательно вникать в ее особенности. Но со временем Сэсё разочаро-

Сэсё. Зимний пейзаж.

вался в этом художнике: ему не пришлось по душе казенный стиль его рисунков.

В возрасте тридцати лет Сэсё из Киото переехал в живописнейший уголок Японии — Ямагучи, а город, который был наиболее тесно связан с итагавской культурой. Сэсё поселился в маленьком храме, продолжая усердно изучать китайское изобразительное искусство. Он трудился не покладая рук, стремясь выработать свой собственный стиль. Постепенно Сэсё стал приобретать известность. В его мастерской всегда толпился народ; сюда часто приходили крестьяне. Все восхищался картинами Сэсё.

Один из друзей художника, по имени Эбо, специально приехал из Киото, чтобы собственными глазами посмотреть на творения Сэсё. Восхищенный мастерством своего друга, Эбо сказал: «Много художников в Киото, но никому из них не сравниться с тобой! Твоими картинами вполне вправе гордиться наша страна».

Эбо был прав. Сэсё действительно становился гордостью Японии. Понимая, что у себя

Сэсё. Картина, которая известна под названием «Ворота в рай».

Сэсю. Рисунку на веере.

на родине ему не у кого больше учиться, он в 1466 году отправился в Китай. Такая поездка была сопряжена с большими трудностями, но сокращенчатый художник все же решил на это во имя дальнейшего процветания японского искусства.

Сэсю, проживавший в Китае около года, обучал там мастеров живописи у художников Ли Цзяя и Чжаю Ю-шэня и одновременно закомился со школой знаменитого художника Сун Маюэня. Главным, что предстоит сделать мастерам Китая Дальнего Востока, — это создать законы перспективы, — к такому выводу пришел Сэсю, изучив различные направления китайской живописи. С такими мыслями вернулся Сэсю на родину. Он ре-

шил поселиться снова в Киото. В это время древняя столица Японии была опустошена пожарами, которые то и дело возникали здесь в годы междоусобных феодальных войн. Многие храмы разразились по всей стране. Пожарили город и жители культуры, художники. Сэсю предложил стать живописцем при дворе сёгуна¹ Ашикага. Но художник отказался под тем предлогом, что ему как буддийскому монаху не подобает писать картины в золотых дворцах. В действительности же он просто не хотел, чтобы его искусство служило интересам властителей-аристократов.

Как раз в этот период Сэсю завершил свой

¹ Сёгун — титул верховного вассалита в феодальной Японии. (Прим. переводчика.)

«Пейзаж зимой» — изумительное произведение искусства, в котором так реалистически передано ощущение пространства и перспективы. Принято считать, что в «Пейзаже осени и зимы» впервые в истории живописи страны Дальнего Востока утвердился дальний перспективизм. До этого японские художники, писавшие свои картины тушью, в большинстве случаев изображали природу плоско. А китайские художники еще в эпоху Цин постигли тайну перспективизма. Изображения в перспективе нагромождения скал как бы уходили вглубь пейзажа. Этим искусством овладел и Сэсю.

Художника неудержимо тянуло в родные места. И вот, покинув Киото, он снова возвратился в Ямагучи. Как и раньше, Сэсю вернулся в маленьком храме посетил себя созданию новых картин. Вскоре, однако, он переехал в маленький городишко Фунай, где затерялся где-то в северной части острова Кюсю. Там в небольшой общине он и притихнул ему упретом продолжал совершенствовать свое мастерство.

Произведения Сэсю завоевывали все большую известность. Люди всех сословий, начиная от князей и ремесленников и кончая крестьянами, желая приобрести его картины.

Сэсю, безмерно любивший природу родной страны, решил побродить по дорогам Японии, посетить славившиеся своей красотой места Северного Кюсю и западных районов Хоккайдо. Рада того, что покинул Фунай и вскоре написал множество картин. «Портрет Канъи Масуды», относящийся к этому периоду, до сих пор считается образцом реалистического портретного мастерства. Подлинным шедевром является и так называемый «Длинный пейзаж», написанный художником в 67-летнем возрасте. Эта картина длиной примерно в шестнадцать метров изображает природу Китая в разные времена года. Поросшие соснами горы, багряный туман, идущий по долине, картина изображена в стройной композиционной гармонии, в реалистической манере. «Длинный пейзаж» — совершенно оригинальное произведение, являющееся художника. Уже будучи глубоким стариком, Сэсю создал еще один шедевр — «Пейзаж, написанный разбрызганной тушью». Эту картину он впоследствии подарил на память своему ученику Дзёсю.

Творческая энергия Сэсю не угасла и в годы глубокой старости. Об этом свидетельствует написанный им в 80-летнем возрасте пейзаж «Ворота в рай». Каждая деталь этой картины дышит японской свежестью, проникая в мозг зрителя, возмущая и удивляя.

Умер Сэсю в 1536 году, в возрасте 86 лет. До последнего дня жизни он не выпускал из рук своей волшебной кисти. Богатейшее художественное наследие Сэсю принадлежит не только Японии, оно является достоянием всего человечества.

Перевод с японского.

Г. Тонко.

Этот ученый еще очень молод — ему всего двадцать шесть лет. Но труд, который он успел создать, заставил многоголетних ученых говорить о нем как о талантливом исследователе.

Однако расставание обоим всем по порядку. — В начале нашего столетия в Малой Азии, в стране иллиристов от Анкары, нынешней столицы Турции, были найдены таблички с клинописью. Изучение их показало, что это древнейшие памятники хеттского языка. Он существовал несколько тысячелетий тому назад, и, как выяснилось впоследствии, может считаться основой целого ряда индоевропейских языков. Перед первой мировой войной памятник хеттской клинописи, расшифрованный чешским ученым Гроном. В его работах было доказано, что хеттский язык принадлежит к числу индоевропейских, а к ним относятся многие современные языки Европы.

Ученые установили закономерность происхождения языков. Из латинского, например, произошли французский, испанский, итальянский, румынский. А сама латынь — основа романских языков — на два столетия индоевропейского. Когда в древней Руси образовались княжества, на восточнославянском языке выдвинулись русский, украинский и белорусский. Процесс же раздробления индоевропейских язы-

ков на отдельные группы произошел, по мнению Грома, четыре тысячи лет назад. Но князь-люди письменных памятников индоевропейского языка не сохранились. Поэтому судить о нем можно только методами сравнения. Этим и занялся молодой ученый Вячеслав Иванов.

Мы познакомились с ним в профессорской филологической факкультета Московского университета. Вячеслав Иванов сейчас читает студентам курс основ языкознания.

— Почему вы выбрали именно хеттский язык для сравнительного изучения? — спросили мы. — Это самый древний из известных индоевропейских языков. Его памятники восходят примерно к XVII—XVIII векам до нашей эры. Значит, хронологически они гораздо ближе и общиндоевропейскому, чем другие известные языки той же семьи.

Работе по изучению хеттского языка и его памятников уже находилось немало, однако теперь особый интерес представляет труды по вопросам развития сравнительной грамматики индоевропейских языков. Словенский, но увлекательная проблема, которую молодой исследователь еще на втором

курсе, когда он стал заниматься по преимуществу историко-грамматичной индоевропейских языков. Позднее, уже в аспирантуре, он занялся целью определить, в какой степени хеттский язык может быть использован для изучения словаря других индоевропейских языков. Вячеславу Иванову пришлось учесть большое количество хеттских клинописных памятников, произведений сравнения хеттской клинописи с другими древними индоевропейскими языками Малой Азии. В результате удалось выяснить, что в древнем хеттском языке имеются такие корневые слова, которых не было известно ни в одном из индоевропейских языков.

Исследование хеттской клинописи имело громадное значение для изучения «характерных черт» и структуры индоевропейских языков. И в то же время оно оказало существенную помощь для познания истории этих языков и составления этнолингвистических спондерных индоевропейских языков и том числе языков народов СССР: русского, украинского, литовского, датского и других.

...И вот Ученый совет сессии альфа-института Московского университета

ЯЗЫК ДРЕВНИХ ХЕТТОВ

тис слушает зачитку кандидатской диссертации В. В. Иванова «Индоевропейские языки: основы хеттского языка и особенности их структуры».

Обычные оппоненты — докторант профессор А. В. Десницкий, доктор наук Вячеслав Тонко отметили, что тема, авторства и диссертации, настолько оригинальна, сложна и обширна, что автор не заслуживает ученой степени доктора наук.

Вячеслав Иванов второй раз защищал свою диссертацию — на заседании кафедры Малой Азии доктор. Состав оппонентов пополнил доктор наук Вячеслав Тонко — членом-корреспондентом Академии наук СССР А. А. Фрейманом, своим отзывом Вячеславу Тонко заявил: «Такой уровень диссертации достигался только у знатоков и глубоких языков». Диссертативный мастерский сумел мобилизовать свои силы на анализ для решения любой лингвистической проблемы, которую поставил перед собой введением грандиозного исследовательского построения. Этого трудностью, совокупности требований самой придирчивой критики диссертации.

Ученый совет единогласно решил присвоить Вячеславу Иванову степень кандидата филологических наук.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

Я И ТЫ.

Рис. А. ЛУРБЕ

ПОВЕСТЬ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
КАПИТАНА ДЕМЕНТЬЕВА

См. «Смену» №№ 17, 18 и 19.

Окруженные гитлеровские дивизии готовились к эвакуации из портового города Н. По заданию советского командования в этот город прибыл разведывательный отряд капитана Деметьева под видом Пятера Рюгерта — единственного немецкого офицера, участвовавшего при разгроме 8-й гитлеровской дивизии. Деметьев устроился на квартире вдовы местного художника А. Рубина и тайно перенес туда законсервированную радиостанцию. Чтобы успешно информировать наше командование о ходе эвакуации, Деметьеву необходимо было пропускать на оперативный причал порта, откуда должны происходить отправка транспортов с немецкими войсками. Используя случайную знакомство с немецким майором Занделем, Деметьев поступал на службу и начальнику отдела по организации гражданского населения Мельху. К личности Деметьева особый интерес проявляет офицер гестапо Брандт, но, зная завоевавшего доверие Мельху, Деметьев попадает под его покровительство. Пригласив Деметьева в кабинет, Мельху дает ему срочное задание вывести кожные фонды местной библиотеки.

— Понятно.— Деметьев повернулся и быстро вышел из кабинета.

Капитану Лемке было поручено упаковать и отправить в порт ценные фонды центральной библиотеки, но он столкнулся с организованном сопротивлением. Работники библиотеки ночью забаррикадировались в глубоком подвальном помещении и никого туда не впускали. Деметьев застал капитана Лемке растерянно стоявшего перед толстой бронированной дверью. Солдаты колотили в дверь прикладами винтовок. Деметьев мгновенно оценил обстановку и принял решение:

— Вы капитан Лемке? Мельху приказал вам немедленно вернуться в отдел. Слыхош солдат заберете. Сюда идут мои люди, которые умеют работать. Что за ящики лежат во дворе?

— Это все, что мы успели вынести,— испуганно пробормотал Лемке.

— Хорошо, отправляйтесь в отдел. У ворот стоит машина Мельху, можете ее взять.

Лемке ушел, но тут же вернулся.

— Я забыл сказать вам, через полчаса за грузовым придет Брандт.

— Это уже не ваша забота, капитан! — злобно крикнул Деметьев.

Лемке уехал, ушла его солдаты. Деметьев остался один. За бронированной дверью было тихо. Деметьев присел на ступеньки и еще раз обдумал возникший у него план спасения библиотеки. «Не могу пока сделать ничего,— думал он,— так сделаю хоть это... Сейчас важ-

но не дать Брандту возможности проверить подвалы библиотеки». Деметьев вышел во двор и пересчитал ящики. Их было тридцать два. Адрес на них надписан тот же — Гамбург... Гринавальд.

Вскоре во двор библиотеки выехали грузовик и «опель». Брандта. Солдаты молча пригляделись, грузить ящики на машину. Брандт подошел к Деметьеву.

— Что здесь случилось? Почему Лемке так долго не звонил?

— Не надо волочить серьезное дело сплотно! — грубо ответил Деметьев.

Брандт посмотрел на него одобрительно.

— Вы правы. Лемке из паркетных шаркунов. А где ваши солдаты?

— Это я должен у вас спросить. Являетесь сюда какой-то постель гестапо, собирает моих солдат, а когда я смылся на Мельху и на вас, он нецензурно ругается и уходит.

Брандт улыбнулся.

— Невыбачные издержки ситуации. Сколько тут ящиков?

— Тридцать два.

— Получите расписку. Мне сказали, что вы жаловались на меня Мельху. Должен заметить, что вы первый, кто на меня жаловался. Это мне нравится...

— Я просто приехал, чтобы со мной обменялись грузом только тогда, когда я не выполняю приказа.— Деметьев преданно смотрел в неподвижные глаза Брандта.

— Прекрасно.— Брандт поднял руку к солнцу.— Будем выполнять приказ. До свидания.

«Опель» Брандта умчался за грузовиками...

Мельху встретил Деметьева почти везесо.

— Вы молодчина, Рюгерт, а Лемке действительно сплотно! Это был великолепный урок для Брандта. Лемке имел прекрасные рекомендации, его проверил сам Брандт, и вот пожалуйста. Поздравляю вас, Рюгерт! Повторяется Брандту — дело неелекое. А Лемке я уже вернул в коммандуру, там ему будет лучше.

Мельху говорил оживленно, весело, но Деметьев заметил, что думает начальник отдела о чем-то другом. Интересно, о чем?

— Я жду ваших приказаний,— почти заблудливо произнес Деметьев.

— Да, да, приказаний... приказаний,— задумчиво проговорил Мельху и посмотрел на часы.— Вот что, капитан, идите отдыхать, а завтра утром за дело. Вы заслужили отдых.— Он вышел из-за стола и буквально вытолкнул Деметьева из кабинета.

«Тут происходит что-то тревожное», подумал Деметьев и направился к Занделю. Он

Солдаты колотили в дверь прикладами винтовок.

застал его за странным занятием: в кабинете толпились камни, и майор вытряхивал в огонь содержимое ящиков писемного стола.

— Вы теперь поняли то, что я сказал вам в коридоре? — усмехнулся Зандель.

— Прекрасно все понимаю и тогда,— небрежно ответил Деметьев.

— Вы уезжаете с сегодняшним кораблем или завтра? — торопливо спросил Зандель.

— Завтра...

— О, значит, мне оказана высокая честь, я отбыл вместе с Мельху. И на первом же корабле!

Деметьев старался казаться совершенно спокойным.

— Я вообще не понимаю, почему такая панка с отъездом? Фронт совершенно спокоен.

— Здесь да, но там нет.— Зандель махнул рукой в сторону.

— Где это?

— Вы младенец, Рюгерт. Не сегодня-завтра англо-саксы будут там, куда мы с вами отправим грузы. Понятно?

— Понятно.

— Это во-первых. Во-вторых, Мельху заботится и о себе. На кой черт ему сидеть в этом мешке? Он свое дело сделал.

— Счастливого пути, майор,— грустно сказал Деметьев.— А я пойду спать.

— До новой встречи, капитан.— Зандель пожал руку Деметьеву.— Вы все-таки славный парень.

— Когда отходит ваш транспорт?

— В полночь.

Деметьев вышел на улицу и медленно направился в сторону своей квартиры.

Так... Ситуация более или менее ясна: шайка Мельху уезжает. Почему они не берут с собой его? Объяснение может быть только одно: Мельху опасается лишних свидетелей его деятельности в этом городе. Но он мог бы сказать прямо, что отдал свою работу закончил и я, капитан Рюгерт, больше не нужен. Зачем ему понадобилась эта игра: «...идите отдыхать, а завтра за дело»? Не скрыта ли тут опасность?

Может быть, Мельху уже отдал приказ попросту пристрелить его этой же ночью? Ведь свидетель перестает быть опасным, когда он мертв. Да, на квартиру, пожалуй, идти не стоит. Но куда же идти?

«Брандт», — мелькнуло у Дементьева, но он продолжал разгрызывать полное недоумение.

В кожаном пальто?
— Да.
— Какое у него звание?
— У него знаков различия не было.

— У нас таких нет.
— Странно, а он вас прекрасно знает и очень удивился, если не сказать, огорчился, по поводу вашего отсутствия. Он даже не поверил мне и глумился над вами за шкафом и под кроватью.

«Так, так, совершенно ясно, что Брандт должен был не только забрать картины. Хорошо, что я во время побывал на квартире», — подумал Дементьев.

— Вы, мадам, стали жертвой авантюриста, — убежденно сказал Дементьев.

— Странно, но он называл вас тем же самым словом...

Хозяйка говорила правду. Дело в том, что накануне днем Брандт случайно встретил тестя, работавшего при погибшей восьмой дивизии; тот хвастливо сообщил, что он единственный уцелевший офицер дивизии. Брандт сказал ему о Рюкере. Г establishments категорически заявил, что никакого Рюкера не может быть, ибо он своей рукой подписывал доносение в ставку о гибели всего офицерского состава дивизии... Брандт тут же сообщил обо всем этом Мельху, и тот, поручив Брандту забрать картины из квартиры художника, постановил заочно ликвидировать и полдорзительного капитана Рюкера, тем более, что возиться с ним нет времени...

— Вы не успокоитесь, пока не найдут эту шкатулку. Простите, мадам, но нет ничего мерзостнее мародеров. Что же касается того, что мародер будто бы знал меня, согласитесь, что звать мою фамилию не так уж трудно. В наших справочниках записано, где я живу.

Дементьев заметил, что хозяйка начинает ему верить.

— Какая мерзость! — повторил он, оглядывая голые стены. — Я сегодня же пойду в штаб и, можете мне поверить, сделаю все, чтобы вернуть вам ваши вещи. Слово офицера!

Хозяйка показала палец и ушла к себе. «Видно, с первым транспортом Брандт не уехал», — думал Дементьев, — это значит в себе огромную опасность. Об этом нужно сообщить каждую минуту... Конечно, Брандту и в голову не придет, что я вернуюсь в свою квартиру. Значит, пока квартира — самое надежное место. Надо действовать...»

Дементьев затер дверь, включил радио и передал короткую шифровку:

«Я — 11-17. Порт днем и ночью забит войсками. Установить как отправление транспортов пока не могу. Напишите адрес по порту».

Затем Дементьев открыл пишущую машинку и на чистом blankе написал заранее продуманное удостоверение. Впрочем, это было скорее не удостоверение, а несколько необычный приказ.

«Капитан Рюкер П. отвечает за санитарное состояние транспортов, подающихся под погрузку. До сведения капитанов транспортов, администрации порта, командиров воинских частей доводится приказ командования: в период отсутствия возможности возмещения среди солдат эпидемических заболеваний и в перенос их на территорию Германии необходимо беспрекословное подчинение санитарным правилам содержания трюмов и других корабельных помещений, надзор за соблюдением кото-

рых осуществляется предьявителем сего капитаном Рюкером П.

Принято из Берлина по радио за подписью генерал-полковника фон Реддига — командующего Особым центром организации ближнего дивизии обороны Берлина.

Ключа верна: аеробальфон подпись».

Документ венчала печать. Самая настоящая печать из отдела Мельху, полученная Дементьевым от фельдфебеля Шарера. «Что говорит, документ был сделан смело, рискованно, но с учетом психологии гитлеровцев, которые всегда ценились перед начальственной бумагой из ставки. Учтена была и общая ситуация войны — появление новых должностей и новых генералов. Впрочем, фон Реддиг был реальной фигурой, и как раз он занимался в ставке делами штабной организации».

12

Перед тем, как снова пойти в порт, Дементьев решил покатать и немалого отдохнуть. Едва он прилетел на диван, как незамедлительно уснул. С ним это бывало. Однажды он три дня бродил по вражеским тылам в повешках языка. Вследствие штабного полковника, Дементьев залез в канаву, чтобы дождаться темноты, и тут же заснул. Видно, так уж была устроена его нервная система: перед серьезным делом она требовала отдыха.

Дементьев проснулся оттого, что кто-то подбрасывал его вместе с диваном. Вскочил, ничего не понимая. Тшина. Землетрясение, что ли? И вдруг где-то близко-близко затрясли скоростные зенитки, и тотчас дом задрожал от серии фугасных взрывов.

— Порядок! — весело проговорил Дементьев и посмотрел на часы. — Молодые летчики Слабио вам и за то, что разбудили...

Бомбардировка продолжалась около часа. Было ясно, что удар наокается по порту. Когда все стихло, Дементьев вышел из дому и направился в порт.

Да, летчики поработали здорово. Еще издали были видны горющие пакгаузы. Черный дым покрывал гигантским грибом качалки над городом. Все прележало к порту улицы были забиты войсками, очевидно, выведенными из порта.

В санитарные машины навалом грузили раненых. Дементьев решил, что сейчас самое удобное время для того, чтобы начать действовать в новой своей должности.

Три солдата тащили раненого к санитарной машине. Завороженный рыжий дегна отбилась и истонно кричал что-то бессвязное. Очевидно, он находился в состоянии нервного шока. А может быть, просто боялся, что его отнесут в госпиталь и он не сможет эвакуироваться. Солдатам никак не удавалось подтащить его к машине, на подножке которой стоял офицер — повидимому, врач. Вот к нему-то и подошел Дементьев.

— Из-за одного легкого раненого, — сердито сказал Дементьев, — вы задерживаете машину. За счет этого времени вы могли бы слезать два рейса до госпиталя.

Врач пренебрежительно посмотрел на Дементьева.

— Это не ваше дело, капитан.

— Я санитарный инспектор особого назначения.

Врач выткнулся. Машина тотчас же уехала. Первая пробка прошла отлично. Дементьев пошел дальше. И тут, возле пакгауза, Дементьев увидел знакомые шпильки, те самые, которые он вывозил из музея. Ящики лежали беспорядочной грудой, возле них стоял часовой с автоматом. Дементьев протиснулся к нему и строго спросил:

— Почему грузы без дивизии? — Не знаю, — ответил тот. — Офицер привез груз и убежал в коммундатуру.

«От этих ящиков надо быть подальше», — решил Дементьев. — Наверняка здесь Брандт... И он смешался с толпой.

Порядка у него оперативный приказ теперь был значительно меньше. Солдаты уже не группировались дюжинами, они стояли и сидели как поповало, то и дело поглядывая на небо. Видно, находились ближе всех к несчастной возможности эвакуироваться, они решили не покидать территорию порта и во время бомбежки.

Дементьев пробрался поближе к контрольному пункту и начал пристально вглядываться в лица солдат.

— Дайте вашу руку, — сказал он одному из них, заметив его воспаленные глаза. Солдат послушно протянул руку. Дементьев нащупал пульс и про себя сосчитал удары. — Кто ваш командир?

— В чем дело? — К Дементьеву подошел лизикоросый лейтенант на крыльях ногах. Лицо его, огурубевшее на морозных ветрах, пересекла глубокий шрам. Это, видно, был отчаянный воинка. — Что вы делаете с моими солдатами? — крикнул голосом спросил он.

— Пока яничко, — усмехнулся Дементьев, — но один добрый солдат на транспорт не понадет. Таков приказ, и за его исполнение отвечаю я.

(Продолжение следует.)

Серджи БОРЕЛЛИ,
итальянский журналист.

ИТАЛИЯ

МАССИМО ДЖИРОТТИ ШЛЕЕТ ПРИВЕТ МОЛОДЕЖИ АЛТАЯ

таким обилием и талантом выливает на экран. Сколько настоящего человеческого гнева и переживания молодого матроса, так полюбившего нам в кинофильме «Утраченные годы»!

«Спасибо» артисту Джиротти хорошо знаком танго по демонстрациям в нашей стране киноартистам «Метры на дороге».

Но мало кто из наших читателей знает о жизни этого популярного итальянского киноартиста. Еще в юности, будучи студентом юридического факультета, он страстно мечтал стать автором. Но раз он принимал участие в любительских студенческих спектаклях, не раз на этом любомом поприще испытывал радость и горести, успехи и неудачи. И вот обаятельная мечта Массимо Джиротти: он стал артистом, и как его теперь известно во всем мире.

У себя на родине он находится в первых рядах борцов за мир, и горячо защищает итальянскую национальную кинематографию от посягательства иностранных центров и интриганских интригистов. Он играет большие симпатии к нашей стране. Любая удовлетворит просьбу читателей с Алтая, редакция обрадуется итальянскому киноартисту, чтобы он коротко рассказал о себе и своих планах на будущее.

В начале октября в редакции «Смены» пришел павет из Рима. В нем оказались подробные записки синими и письмом.

ЧИТАТЕЛЯМ «СМЕНЫ»

Я, счастливая, что молодежь Советского Союза интересуется моей деятельностью, и потому хотела еще предост. Возможно, что вскоре я буду сниматься в кинофильме в Мессине.

Могут сказать, что наверно, что во второй декаде октября я приеду в Москву по случаю недели итальянского кино. Таким образом, моя давнишняя мечта, наконец, осуществится.

В эти дни среди других киноназиданий в Мессина будет показан фильм «Чувство», в котором я исполню не очень большую, но важную роль — представитель патристического движения, оканчивающего наши регулярные поиски в период войны за независимость. Фотография этого героя я прилагаю и прилагаю.

Благодарю вас и приветствую моих новых друзей с Алтая.

Желаю вам счастья, прошу вас принять мой самый сердечный привет.

Massimo Girotti

Во второй половине октября в Мессина будет представлен фильм «Неделя итальянского кино». Примерно в то же время в Италию состоится «Неделя советских фильмов». Предполагается, что страна покажет около шестидесяти кинокартин, которые разумеется, лучших.

Я не специалист в области кино, я скорее, обычный зритель, любящий этот вид искусства, и внимательнее следящий за его успехами и достижениями в искусстве. Поэтому в моих глазах заметка не будет глубокого, квалифицированного анализа сегодняшнего состояния нашей кинематографии. Я постарался лишь высказать отдельные мысли, которые высказывает итальянское кино.

Намного время назад наше киноискусство пережило острый кризис. Дело в том, что в период господства фашизма честные, первоклассные художники не имели возможности говорить о том, что тревожит и волнует итальянский народ. Многие известные мастера кино перешли тогда на другую работу, другие отошли от больших проблем действительности, снимая кинокартины легкого содержания. Я помню, что в то время кинематографическая жизнь в Италии была очень оживлена. Многие известные мастера кино перешли тогда на другую работу, другие отошли от больших проблем действительности, снимая кинокартины легкого содержания. Я помню, что в то время кинематографическая жизнь в Италии была очень оживлена. Многие известные мастера кино перешли тогда на другую работу, другие отошли от больших проблем действительности, снимая кинокартины легкого содержания.

Этот период в кино называли «эпохой беззвучия». Многие известные мастера кино перешли тогда на другую работу, другие отошли от больших проблем действительности, снимая кинокартины легкого содержания.

После войны нам, итальянцам, о многом пришлось задуматься. И это не могло не повлиять на развитие нашего искусства. Все сильнее проявилось в нем стремление к правде и к серьезным проблемам.

Неравномерное развитие, зародившееся еще в годы Второй мировой войны, в свой поток новых и новых делателей кино.

В числе первых фильмов, полонивших начало нового периода итальянского неореализма, был «Рим — открытый город», поставленный Роберто Росселини. Хотя этот режиссер не озадал в своем фильме ни картинку, могущую сравниться со своей значительностью с «Римом — открытым городом» (за исключением, конечно, итальянского кино бесконечно благодарно ему, перемену, что на правительственной стороне, эта путь грандиозной культуры и творческой смелости; это путь любви к правде, какой бы неприемлемой она ни казалась; это путь искренней замкнутости с самим собой и людей и проблемах, стоящих перед нами).

Видно и слышно увеличение историй, пора вызнать на сцене, и даже в кино, могут сказать точно, какие кинофильмы привезут Москву на сцене. Итальянцы слышали, что предполагается показать в Мессине следующие: «Чувство» Луиджи Динани, «Неаполитанская карусель» — Аведо Динани, «Хлеб, любовь и фантазия» Луиджи Комеччини, «Дорога» — Федерико Феллини,

«Умертво Д.» — Витторио Сидони, «Маленькие синицы» — Пьетро Дьерми, «Джугославия» — Верди — Рафалло Маттаро.

Картинки эти разнообразны, но все же относятся к производству, причем, по мнению

Кадр из фильма «Смёны». Лучия (арт. Лучия Бозе) утешает мужчину (арт. Голдара Салпенца), потерпевшего умука во время бомбардировки города.

не профессиональные артисты. Так, роль Умертво Д. превосходительно исполняет профессор Флорентинского университета Карло Баттисти. Вторым выступал в кино и юная Мария Пиа Касильо в роли славянки Марии. Для нее этот фильм был счастливым поимом, так как телега короновицы Пиа Касильо стала профессиональной артисткой, снимавшей сейчас во многих кинокартинах.

Второй фильм, «Дорога», относящийся и 1954 году, вызвал посто своего появления горячие споры о том месте, которое занимает в истории неореалистического кино и юная Мария Пиа Касильо в роли славянки Марии. Для нее этот фильм был счастливым поимом, так как телега короновицы Пиа Касильо стала профессиональной артисткой, снимавшей сейчас во многих кинокартинах.

В первом фильме «Дорога», относящийся и 1954 году, вызвал посто своего появления горячие споры о том месте, которое занимает в истории неореалистического кино и юная Мария Пиа Касильо в роли славянки Марии. Для нее этот фильм был счастливым поимом, так как телега короновицы Пиа Касильо стала профессиональной артисткой, снимавшей сейчас во многих кинокартинах.

Второй фильм, «Дорога», относящийся и 1954 году, вызвал посто своего появления горячие споры о том месте, которое занимает в истории неореалистического кино и юная Мария Пиа Касильо в роли славянки Марии. Для нее этот фильм был счастливым поимом, так как телега короновицы Пиа Касильо стала профессиональной артисткой, снимавшей сейчас во многих кинокартинах.

Фильм рассказывает правду и поэтому он глубоко волнует нас, итальянцев. Я уверен, что он не оставит равнодушным вас, советских зрителей. Вам, наверное, будет интересно узнать, что в фильме играют

Кадр из фильма «Смёны». Лучия (арт. Лучия Бозе) утешает мужчину (арт. Голдара Салпенца), потерпевшего умука во время бомбардировки города.

не профессиональные артисты. Так, роль Умертво Д. превосходительно исполняет профессор Флорентинского университета Карло Баттисти. Вторым выступал в кино и юная Мария Пиа Касильо в роли славянки Марии. Для нее этот фильм был счастливым поимом, так как телега короновицы Пиа Касильо стала профессиональной артисткой, снимавшей сейчас во многих кинокартинах.

Второй фильм, «Дорога», относящийся и 1954 году, вызвал посто своего появления горячие споры о том месте, которое занимает в истории неореалистического кино и юная Мария Пиа Касильо в роли славянки Марии. Для нее этот фильм был счастливым поимом, так как телега короновицы Пиа Касильо стала профессиональной артисткой, снимавшей сейчас во многих кинокартинах.

В первом фильме «Дорога», относящийся и 1954 году, вызвал посто своего появления горячие споры о том месте, которое занимает в истории неореалистического кино и юная Мария Пиа Касильо в роли славянки Марии. Для нее этот фильм был счастливым поимом, так как телега короновицы Пиа Касильо стала профессиональной артисткой, снимавшей сейчас во многих кинокартинах.

Второй фильм, «Дорога», относящийся и 1954 году, вызвал посто своего появления горячие споры о том месте, которое занимает в истории неореалистического кино и юная Мария Пиа Касильо в роли славянки Марии. Для нее этот фильм был счастливым поимом, так как телега короновицы Пиа Касильо стала профессиональной артисткой, снимавшей сейчас во многих кинокартинах.

гин, посвященный переписи любви сарматки казанской и разбитой древней девушки. Это — нечто вроде легкой, веселой оперетты без музыки. Картина, по моему убеждению, не имела успеха, непрофессиональный ее спрос, но в смысле успеха воплоти прогрессивной общественной мысли как частичное отступление от принципов неореализма, как провозглашение далекого от насущных проблем своего времени. Это — очень хорошо знающее советское кино, но, мне кажется, «Хлеб, любовь и фантазия» — это такая же лирично-наивная картина, как, скажем, «Кубанские казаки» или «Кавалер Золотой Звезды».

Интересна картина «Джузеппе Верди», которая повествует о творческом пути великого композитора. В отличие от пышных, постановочных фильмов подобного рода, где цвет и оперные декорации являются самоцелью, этот фильм привлекает своей бескомпромиссной простотой. Радают те, кто лирично судит Верди — как правило, в Италии. В Италии тект лет, в связи с политическими событиями эпохи, а не в традиционном любовно-музыкальном плане.

Итальянское кино сегодня в трудном положении: на пути его развития есть множество серьезных препятствий и нерешенных проблем. Сейчас, например, в Италии идет жестокая борьба между неореалистическим и коммерческим направлениями. Первое требует правды жизни, второе — больших сборов. А как угодить вкусу зрителя, вдоволь насмешившись над недоразумениями со страхи во время сеанса, уйти из зала довольным и не о чем не задумывающимся? Конечно, между коммерческим и неореалистическим направлениями происходит иногда компромисс, и подобный компромисс я вижу в фильме «Хлеб, любовь и фантазия».

Во всех странах иностранцы интересуются в первую очередь актерами и актрисами, подчас забывая о тех, кто творит фильм, но не падает на экран — о режиссерах. А это несправедливо: гораздо труднее найти хороших режиссеров, чем исполнителей. У нас, в Италии, много выдающихся актеров и актрис и искусных авторов, но по пальцам можно пересчитать постановщиков.

Может иногда показаться, что наши киноискусствы не отдают себе полного

отчета в социальной и политической значимости своих фильмов. Однако итальянская неореалистическая школа в своем стоян на прогрессивной точке зрения на мир. За идею убежденно, что если даже у детского кино совершенно разлитичная политическая направленность и талант приходит в столбняк.

Особенно, их социальных взглядов, то у одного и того же мастера мы видим провозглашение, взаимосвязанные друг друга. Так, например, в фильмах Сиссеро, очень талантливые, которые везут вам по фильму «Похитители велосипедов», «Рим в 11 часов», «Нет мира под оливками» и других. Многого можно ожидать от двадцатитрехлетнего режиссера Мазелли, поставившего кинофильм «Светелителю», рассказывает о судьбах итальянской молодежи в годы войны, их портреты, рассказы и репортажи о их привычках, любимых музиках, туалетах — все это заполняет страницы газет и журналов. Я думаю, вам, советским людям, не очень интересно знать, что, например, Динна Лоллорбринда является одной из самых высокооплачиваемых кинозвезд мира (она получает около 60 миллионов лир за участие в каждом фильме), что она замужем за югославским эмигрантом Милно Скоричем, что ее портреты только в 1954 году были воспроизведены на обложках более чем трехсот журналов мира, что, наконец, она — единственная итальянка, чьи фотографии появились на обложку известного журнала «Тайм», а вторая итальянка, чьего американцы сочли достойной такой чести, не кто иной, как Пий ХИ, тепершний пала римский.

Вам, повторю, это интересно потому, что вы, насколько я знаю, судите актера по его игре, а не по внешности. Может быть, и по заслуга наших кинозвезд состоит в их внешности, фотографии, фотографии и умеют держать

себя перед кинокамерой и не раздражены. Итальянские кинозвезды, за небольшими исключениями, не появляются в театрах, не знают сцены театра и непосредственно ведь себе перед объективом, не выходящая из привычных рамок, на один со зрительным залом. Некоторые наши кинозвезды — это просто красивые женщины, которые ничего не дали искусству и ничего не поперчили из него для искусства. Такова, например, Сильвана Помпанини, которую вы видели в фильме «Угрюмые горы».

Но есть у нас и талантливые женщины, которые у нас красивые. Это Лючия Боде, Динна Лоллорбринда, Сильвана Помпанини, София Роденти, Джульетта Магини и, конечно, Анна Манини.

При упоминании имени Анны Манини на всех лицах появляется удивление и признательности. Я называю ее последней, хотя это имя надо назвать первым. Анна не так молода и, возможно, наименее эффектна по сравнению с остальными, но она неповторима, богаче всех своей творческой индивидуальностью и заслуживает прочих знаменит. В прошлом Манини — актриса вербате. Она играла в фильме «Рим — открытый город» и ряд других, помогая своей мастерством развитию неореалистического направления в итальянском кино.

Карьера многих «звезд» началась с участия в конкурсах красоты, которые сейчас регулярно проводятся. Так, в конкурсе красоты на звание «Мисс Италия» в 1947 году в городе Стрза встретились три наши будущие киноактрисы: Динна Лоллорбринда, уроженка провинции римской провинции, Анна Манини, уроженка Марри Канале. Этот конкурс, а также режиссера, сотрудничавшая его, привели Динну в мир кино, где она сначала играла главные роли во второстепенных фильмах. Первый значительный фильм, в котором Динна приняла участие, был «Вампины»: фильм режиссера Карло Лиззани, рассказывающий об одном из эпизодов итальянской войны, и «Провинциалка» по рассказу Альберто Моравиа, инсценированному режиссером Марио Солдати. За этими фильмами последовали «Хлеб, любовь и фантазия», «Хлеб, любовь и романтика» в постановке Луиджи Коменини, «Игра», «Римлянка» и ряд других картин, весьма хоро-

ших по своим художественным качествам. Динна Боде до прихода в кино работала машинисткой в типографии, а затем продавщицей в миланской модиторской. Отец ее, рабочий, из-за денег суд пытался воспользоваться тем, чтобы его дочь пошла работать в кино, считая это труд несвершимым: десять тысяч в месяц. Динна, а падать еще быстрее, и лучше твердо стояла на земле. Режиссеру де Сантис пришлось немало потрудиться, прежде чем он смог добиться согласия на участие Динны в картине «Нет мира под оливками». В дальнейшем молодой актриса сыграла в фильмах «Любимая одна любовь», «Дама без намордника», «Рим в 11 часов», «Сметенные». Последняя картина, в которой участвовала Динна Боде, — «Смерть великодушья» — фильм совместного производства итальянского производства. И вы видите эту знаменную звезду, когда говорите: Динна играет в ней превосходно.

София Роденти, молоденькая неополитана, в первом ее фильме — «Золотая поля» де Сина. Советские зрители видят в Динне политанской карусели» и тогда поймут, почему София так популярна среди итальянской молодежи.

Думаю, что было бы несправедливо умолчать о некоторых талантливых молодых актерах, у которых видны место в итальянском кино. Это Франко Интеллерни, начинавший сниматься еще в детстве, и фильм «Рим — открытый город», который рассказывает историю двух подростков — одичавших. Интеллерни были очень бедны, и говорили о развитии мальчишеской любви, чуть ли не главной задачей дохода семьи. Окончания сном картин «Шуш» Франко не поиниу

и неинтересны. Итальянские кинозвезды, за небольшими исключениями, не появляются в театрах, не знают сцены театра и непосредственно ведь себе перед объективом, не выходящая из привычных рамок, на один со зрительным залом. Некоторые наши кинозвезды — это просто красивые женщины, которые ничего не дали искусству и ничего не поперчили из него для искусства. Такова, например, Сильвана Помпанини, которую вы видели в фильме «Угрюмые горы».

Динна Лоллорбринда в фильме «Провинциалка».

кинотеограф и продюсальный талант, но с небольшими различиями, а став старше, с успехом сыграл в картине «Мамачиссины сыны».

«Мамачиссины сыны» впервые снимал Франко Фабрици. Впоследствии он оказался еще в ряде кинокартин; ему особенно удаются роли молодых людей, праздно, пустых, надутых, этанх проигнорирте жизни. Но недавно он ионичи Эспериментальной центр в Риме — единственную в Италии шноу кинематографического искусства. Восторженно снимался пока лишь в трех — четырех фильмах, но театральная, полная сочного юмора игра молодого артиста сделала его имя популярным среди любителей кино. Кроме того, Мастриони писал сценарии, которые он не только блестящим киноактером, но и автором и режиссером. В заключение я хочу извиниться перед тобой, читатель «Смены», за бедные иллюстрации, которые я могу приложить к моему рассказу. Можно было бы более широко использовать фотографии наших киноактеров. Однако я сделал это лишь потому, что у меня не было времени. Я утешаю себя тем, что мои читатели, которые своими глазами увидели на экране итальянских киноактеров, которых было рассказано здесь. Мне кажется, что объективно это лучший способ установить культуру кинофильма, в некотором смысле — зеркало жизни. Но лучше понять друг друга, посмотреть друг на друга в фильмах, а не в газетах, и доказать, как взаимосвязаны. Не приходится и доказывать, как взаимосвязаны в наши дни международная обстановка уважение и взаимопомощение.

Динна Лоллорбринда и Витторио де Сина в фильме «Хлеб, любовь и фантазия».

Знаменитый шахматный художник

играть с гроссмейстером Людой Руинштейном, Зигбертом Таршишем, Ароном Шапачевым, Франком Маршаллом. На этом турнире Александр Александрович мастер добился выдающегося успеха: он занял третье место, пропустив вперед лишь Ласера и Капабланку.

В 1920 году Алекси одержал победу на Всероссийской шахматной олимпиаде. За этим последовала целая серия блестящих выступлений Алекси в международных турнирах, что дало ему право претендовать уже на звание чемпиона мира. Однако ввиду болезни он выступил на турнире в Баден-Бадене, где он завоевал первый приз, не проиграв ни одной встречи.

В 1927 году, в столице Аргентины Буэнос-Айресе состоялся пятнадцатый матч между Алексиным и Капабланкой. Это историческое событие, длившееся более двух месяцев, закончилось победой Алекси. Он выиграл со счетом 10:5. Шахматный мир получил нового чемпиона. В последующие годы Алекси выступал с не меньшим успехом. Постоянно триумфировал на крупнейших турнирах гроссмейстеров в Сан-Ремо в 1930 году. На этом первенстве у Алекси не было ни одного неупрежденной игры. Он выиграл тринадцать и лишь два раза свел вничью.

В последнюю очередь хотелось бы упомянуть о том, что в 1931 году Алекси выиграл место, определяющее второго призера на чемпионате мира. Через четыре года Алекси постигла неудача: он проиграл минимальным результатом матч на мировое первенство голландцу Оливе (+8-0=13). Но не прошло и двух недель, как в матчевом матче Алекси одержал блестящую победу над Оливе (+10-4=11) и таким образом завоевал себе славу первого шахматиста мира.

В последний период своей жизни Алекси мучался истерикой, которую он считал наиболее достойным соперником. И югда в начале 1946 года Алекси получил от Вотинника официальное приглашение сыграть с ним матч. Он и югда в начале 1946 года Алекси получил от Вотинника официальное приглашение сыграть с ним матч. Он и югда в начале 1946 года Алекси получил от Вотинника официальное приглашение сыграть с ним матч.

искусством и беру на себя все те обязанности, которые оно налагает на своих организаторов». Именно так должны проходить к своему доблестному искусству славы шахматисты нашей страны.

ТАК ИГРАЛ АЛЕКСИН

К этому положению пришла партия Алекси с гроссмейстером Эристом Грюнфельдом на международном турнире в Баден-Бадене в 1923 году. Алекси, игравший черными, прекрасной комбинацией добился победы после: 30... Лf4! 31. Крf1, Кf4! 32. Фd4+34 Крe6! Кf4! 32. Фd4! 33. Фd4, Лf4! 34. Фd4+ и мат в следующий ход.

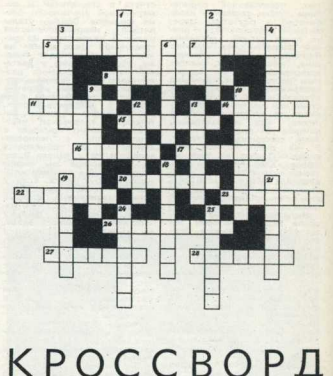

Эта позиция создавалась в партии того же турнира между Алексиным (белые) и гроссмейстером Арифом Фейсманом. Фейсманом комбинационным ударом белые начинают рокировку атаку на короля противника. Последились: 25. Сb7 Фe3, Еf2! 26. f5, 27. Фd4, Сb4 27... Фd4+, Крf8 28. Фd4+, Крf8 29. Фd4+ Крf7 30. Фf7+ и т. д. 28. Еf2, Фd4! 27. Сb7, Сb7, 28. Лf1!, Лf1 29. Лf1, Фf7 30. Фf8, Крf7 31. Фf8+ Фf3 32. Фd4+ и мат следовало.

Обе партии были удостоены специальных призов за красоту игры.

МАТЧ С ЛЮБЛИНСКИМ

Чтобы были довольны ты читатель,
не будь слишком доволен собой,
Тот сделал поделку, кто мечтал,
(Вольер)
Мало влюблен, кто хорошо расквашено
за любовь, (Петрарка)
Каждый человек может заблудиться,
но пропавший в заблуждении может
только идти, (Циперно)
В каждом человеке ровно столько
тщеславия, сколько ему недостает ума,
(Александр Поп)

КРОССВОРД

Составил И. Козырев (г. Чусовой)

- По вертикали:
1. Родина члеников русской классической музыки, 2. Действующее лицо оперы Римского Корсакова «Сказка о царе Салтане», 3. Толстосудный мусульманский философ, 4. Великий народный артист СССР, 5. Представитель «Могучей кучки», 6. Смычковый музыкальный инструмент, 7. Советский композитор-песенник, 8. Музыкальный инструмент, 9. Сказка о царе Салтане, 10. Оперный драматург, 11. Оперный драматург, 12. Основательница армянской национальной оперы, 13. Пятнадцатый между двумя близняшками музыкальными инструментами, 14. Оркестровое произведение, 15. Длинношеий музыкальный инструмент, 16. Персонаж оперы Н. Дольде «Нето и Нотте», 17. Действующее лицо оперы Римского Корсакова «Снегурочка», 18. Духовой инструмент, 19. Сказка в комической опере Н. Дольде «Нето и Нотте», 20. Смычковый музыкальный инструмент, 21. Сказка, 22. Языковая игра, 23. Языковая игра, 24. Коллектив музыкантов, 25. Наполеон.
- По горизонтали:
1. Советский композитор-песенник, 2. Музыкальный инструмент, 3. Оперный драматург, 4. Толстосудный мусульманский философ, 5. Автор музыки «Наша демократическая молодежь мира», 6. Персонаж оперы музыкального драматурга М. Мусоргского «Борис Годунов», 7. Действующее лицо оперы Римского Корсакова «Снегурочка», 8. Духовой инструмент, 9. Сказка в комической опере Н. Дольде «Нето и Нотте», 10. Смычковый музыкальный инструмент, 11. Сказка, 12. Языковая игра, 13. Коллектив музыкантов, 14. Советский композитор-песенник, 15. Музыкальный инструмент, 16. Персонаж оперы Н. Дольде «Нето и Нотте», 17. Действующее лицо оперы Римского Корсакова «Снегурочка», 18. Духовой инструмент, 19. Сказка в комической опере Н. Дольде «Нето и Нотте», 20. Смычковый музыкальный инструмент, 21. Сказка, 22. Языковая игра, 23. Языковая игра, 24. Коллектив музыкантов, 25. Наполеон.

Ответы на спортивную задачу, напечатанную в № 15

1. Высота, 2. Залпы, 3. Ставер, 4. Воробей, 5. Футбол, 6. Штырь, 7. Револьвер, 8. Клинок, 9. Плавильня, 10. Подвиг, 11. Фламмон, 12. Танкер, 13. Спичка, 14. Воробей, 15. Двойня, 16. Чудины, 17. Бросок, 18. Рывачи, 19. Бесенок, 20. Пасоке, 21. Мастер, 22. Барьер, 23. Пасоке, 24. Спартаклада нардов СССР.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 19

- По горизонтали:
3. Сакалин, 6. Рууда, 7. Титр, 10. Ляна, 12. Песец, 13. Олень, 16. Хребет, 19. Лисица, 21. Поронай, 22. Оляпка, 23. Цинна, 25. Снап, 28. Виллоу, 29. Отрог, 32. Муссон, 33. Лиственница, 34. Зоопарк, 38. Уссури, 40. Тюлень, 41. Ниха, 44. Нерпа, 45. Турец, 48. Калан, 49. Тайга, 50. Кабра.
- По вертикали:
1. Мораль, 2. Пихта, 4. Бурачок, 5. Гиттер, 7. Хабаров, 9. Невельский, 11. Англичанин, 12. Цинна, 13. Цинна, 16. Хабаровск, 17. Лотос, 18. Хана, 20. Альбиотр, 24. Югоза, 29. Арктика, 27. Птица, 30. Хлопчик, 31. Дюк, 32. Кутурга, 36. Турец, 37. Гранит, 38. Соловей, 42. Горбушка, 43. Кунашир, 46. Саян, 47. Чайна.

На первой странице обложки: Воспитанник Ленинградского нахимовского училища с интересом слушает рассказ бывшего командира «Артуры» А. В. Бельянского штурмом бывшего дворца. Фото В. Яковлева.

На четвертой странице обложки: Вид отравившийся в Московском университете имени М. В. Ломоносова. Фото В. Тюняева.

Редакторы: Г. Гуляев, Е. Домлаговский, Б. Егоров, Н. Жуков, В. Кулемин, М. Луконин.

Технический редактор В. Пархоменко.

Издательство «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 250 000 экз. 175 бум. л.—4,8 печ. л.

МЫСЛИ, АФОРИЗМЫ

Величайшее сокращение—хорошая библиотечка. (Бенвенити)
Хорошо смеется человек,—значит, хороший человек.
Уж имей хоть маленький, но свой ум. (Горький)
Из двух ссорящихся виноват тот, кто живет. (Гете)
Много говорить и много сказать—не одно и то же. (Сюфлюв)
Одна из самых тяжелых потерь—потеря времени. (Вюффон)

Главный редактор М. А. Величко.

Адрес редакции: Москва, 1-я ул. Алексеевского поля, 28.

Изд. № 982.

Тел. Д-394-24. А 05861. Формат бумаги 70 x 108/16.

Издательство «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Портреты невеселые некоторых новоселов

ГЕРОЙ НЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Он на платформу дощатую слез,
Выпрямился во весь рост
И нос свой задрал выше небес
И выша небосквы звезд.
Небрежными кивком, что застенки едва,
Кепчонкой, залюбленной лихо,
Почувствовать дал, что, прибыв сюда,
Одоление сделал великое.
Он шел, и казалось ему, за спиной
Не шлепают людские эго: «Вот это да! Настоящий герой!
Не испугался. Приехал.»

И уже, в воспарении в мечтаниях, видел —
Сбегаются люди:

«Чего хотите?
Если хотите — руководите.
Если хотите — спите».
Но вместо этого что такое?
Почему покосились на бегать? —
Тревожат его, лязгают покая: «Пора приступать к работе».
Он и работа —
Смешно что-то.
Ему, герою,
Хавают почета.
По ветру чуж распустился волной,
С утра до вечерней темени
Однокий,

непоятый бродит герой
Не нашего времени.

ИСКАТЕЛЬ СЧАСТЬЯ

Он даже дружки иногда подлевал,
В окно глядел, как поя летя,
Но руку все время в кармане держал,
Где подмешные деньги хрустели,
И грелись край ему, полный чудес,
Где, только рукой дотронуться,—
И, словно листья, что роняет лес,

К ногам упадут червонцы,
А ты нагибайся и подбериай.

Рай!
Подъем на кремнистые сопки крут.
Вот он, край, где ни разу не был.
И что же — на влях рубли не растут,
Манна не падает с неба.
Трудиться!

Простите,
не идют.
Дураков на свете немало,
И выиг у него заболел живот,
Принятый тяжестью давни на грудь.
Искатель счастья
к длинным рублям
Ищет короткий путь.

едем назад,
Хрустящий мешочек обшит по краям,
Принятый тяжестью давни на грудь.
Искатель счастья
к длинным рублям
Ищет короткий путь.

Могут сказать резонно и веско,
Обратившись с упреком ко мне,
Что все это правильно,
но ведь известно:
Не без уroda в любой семье.
«Не без уroda».
О, сколько заранее
На эту поslовицу списано драми!
И сколько людей на поslовицу молятся,
На эту поslовицу скользкую ловится!

Время настало нам, комсомольцам,
Передайте эту поslовицу.
В семье новоселов —
Всякая нужда является народу —
Ни одного не будет урода.

Валентин СИДОРОВ

«ОЧАГ КУЛЬТУРЫ»

Всякий раз, встречая председателя колхоза Мишину, заведующую районным отделом культуры Георгию Яковлевичу Цыганкову грубокомсомольски хмурил лоб и строго вопрошал:

— Значит, не на должной высоте?
— Вот именно, Георгий Яковлевич, не на должной. Все вам известно.

Тогда Цыганков дал Мишину глубокие и обстоятельные указания:

— Изучайте специфику культурной работы! Проникните, как говорится, в кухню этого дела! Ясно!
Вернувшись в свой колхоз, Мишина прежде всего узнал, у кого из колхозников есть кухня подходящих размеров. Оказалось, что таковая имеется у Барсуковой Ульяны. Вызвал ее председатель в правление и говорит:

— По имеющимся сведениям, у тебя, Ульяна, большая кухня.

— Таю правда, родимый, большаа.

— Вот и хорошо. Мы решили сделать у тебя культурный очаг.

— Премного благодарна, родимый, но у меня пока справный. Вот доскада мал жалуются на свой. Ошибся ты малость адресом.

— Клуб у тебя отроком. Понятно? Молодежь культурно развиваться будет. А тебе каждый месяц труднейшей по тридцать находившей будешь.
На следующий день, трижды перекрестясь, Ульяна Барсукова сняла икону Николая Чудотворца и повесила в передний угол плакат «Не сорить!». На посудном шкафу появилась надпись «Библиотека». Еще через день к художественному

Рисуют

И. Лисогорогю.

Очаг

оформлению культурного очага добились выразительное полотно: «В карты играть школьникам до шестого класса запрещается!».

Кухня была освоена полностью. Культурно-просветительная работа закипела, слогано борць в чутюнке.

Соберется вечером молодежь, посмотрит, как Ульяна ловко управляет ся горшками да ухватом, и разойдется вossaки. Дойдут парни с дачечками до дома председателя колхоза и запоют:

Почему ты, Вася, хмурый?
Ведь былвдился твои мечты.
Есть у нас очаг культуры
Без отрыва от плиты.

Слушает эту песню председатель и думает: «Неблагооодарный народ у нас! Культурный очаг создад. Решение о строительстве клуба в поселке Бахарева принято еще пять лет назад. Чего им еще нужно! Попобуй угодить таким людям!»

Но по душе такие песни и заведующему районным отделом культуры Георгию Яковлевичу Цыганкову.

— Волющая несправедливость! — говорит он с печалью в голосе. — Все силы свои отдаю решению острейших проблем культурно-просветительской работы — и вот:

Действительно, утверждения Георгия Яковлевича насчет «решения острейших проблем» нельзя назвать голословными. Недавню, например, в районе гастролировала артистическая труппа объединения Мосгосциркa В. Кашиньин. Отдельные номера отличались исключительной остротой. На глазах у изумленной публики он глотал кинжалы и шаги длиною около метра. Надвденным чудесами своими способностями, В. Кашиньин успешно совмещал в своем лице шагалотелателя, билетера и кассира. С особой ловкостью он выкулывал в последней роии.

Весь район удивилв эту гастроли. Только Георгий Яковлевич не удивился. Его не удивляю даже то, что артист мирфического «Колхозно-совхозного объединения Мосгосциркa» предьявлял при знакомстве устюжжаровию, в котором он значится руководителем художественной самодеятельности Цирюппонского Дома культуры соседней, Павлодарской области Казахстана. Чю ж девятью: назвался артистом — пожалуйста на сцену. На безарьерной и раеу рады. Вездя за последний год никто из артистов не баловал своими выступлениями жителей Благоветтского района.

И вот Ульяна Барсукова с ухватом в руке руководит очагом... культуры, самодеятельный артист Василий Кашиньин глотает целые ереналы холодного оружия и гюноярв, а крвоее управление культуры и райкомом комиссия поглощают огромные потоки бумаг, подшивают в папки бюллетенные отчеты, составляют пухлые инструкции...

В целныни работа шумит золотая шишница. А улыбка Ульяны на щельце зарастает бюрократическим чертополохом.

А. НИКОЛАЕВ,
Ю. ЧЕРНИЧЕНКО,
А. ТОЛМАЧЕВ

Благоветтский райсо, Алтайского края.

Цена номера
2 руб.

